

18+ Игорь Кузнецов

ИСТОРИЯ,
КОТОРУЮ
МЫ
НИКОГДА
НЕ ЗНАЛИ

Игорь Кузнецов

**История, которую
мы никогда не знали**

«Издательские решения»

Кузнецов И.

История, которую мы никогда не знали / И. Кузнецов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987554-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга повествует о малоизвестных фактах, испытаниях, славе и ненависти, предательстве и благородстве, которые переплелись в судьбах жертв и палачей, трагически изломанных репрессивными режимами. Строгий отбор установленных фактов, основанный на неизвестных архивных документах, объективный их анализ и оценка позволяет создать реальную картину трагедий XX века. Книга адресуется всем, кто интересуется проблемами новой и новейшей истории, ее нераскрытыми тайнами.

ISBN 978-5-44-987554-9

© Кузнецов И.
© Издательские решения

Содержание

История, которую мы не знали	6
К читателю	7
I. ЭТО БЫЛО ТАК...	9
Мятежный Кронштадт	9
Слово и дело	12
В Париже исчезали генералы...	19
Спецпереселенцы	29
Остров смерти	32
Сибирский Белосток	35
Бухта скорби	39
НКВД – гестапо: брак по расчёту	49
Следствие закончено. Забудьте?	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

История, которую мы никогда не знали

Игорь Кузнецов

© Игорь Кузнецов, 2020

ISBN 978-5-4498-7554-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История, которую мы не знали

Документальные статьи и очерки, объединяет стремление приподнять завесу таинственности и трагизма над спорными проблемами истории советских политических репрессий, событий предвоенных лет и периода Великой Отечественной войны.

Книга повествует о малоизвестных фактах, испытаниях, славе и ненависти, предательстве и благородстве, которые переплелись в судьбах жертв и палачей, трагически изломанных репрессивными режимами.

Строгий отбор установленных фактов, основанный на неизвестных архивных документах, объективный их анализ и оценка позволяет создать реальную картину трагедий XX века.

Книга адресуется всем, кто интересуется проблемами новой и новейшей истории, ее нераскрытыми тайнами.

К читателю

Честный и объективный анализ недавней и давней истории, критическое осмысление и переосмысление пройденного пути призваны вывести на ясное понимание того, от чего нам следует решительно отказаться, что необходимо активно защищать, что мы должны использовать не только сегодня, но и взять с собой в завтрашний день.

Стороннему зрителю история представляется чаще всего как отдельная картина прошлого, цепь взаимосвязанных событий и фактов, основательно проверенных и утрясенных временем. И невдомек большинству из нас, что тайны истории никогда не раскрываются полностью даже потомками. И за событиями, как они описаны в учебниках истории, всегда таятся колоссальные пласты долго скрывааемых фактов, имен, взаимосвязей, о которых не знали наши предшественники. И факты эти, приведенные в книге, таковы, что опрокидывают воззрения, приводят к рождению новых точек зрения, к утверждению новых взглядов на факты и события прошлого.

Все мы были свидетелями того, как еще совсем недавно факты искусственно подгонялись под те или иные идеологические шаблоны.

Тоталитарное насилие, уничтожая одних, одновременно уродует души остальных. Это всегда преступление против всех, против каждого. Та часть человека, суть которой его человеческое достоинство, истлевает и заполняет страхом, и нравственная эта каверна передается по наследству. Вот и возможный ответ на традиционное: что с нами происходит. Вернее – произошло.

А люди, лишённые чувства человеческого достоинства, превращаются в бесформенную массу, из которой можно лепить все что угодно, даже то, что противоречит здравому смыслу и совести.

Первая, наиболее зримая примета болезни – девальвация в общественном мнении человеческой жизни как таковой.

Насилие в советском обществе было всегда. Но с 1917 года оно приобрело новое качество стало основным средством решения социальных проблем. Сначала это было насилие против враждебных классов. Но очень скоро оно превратилось в насилие против оппозиционно настроенных членов самой большевистской партии. В конце концов правило, что при его помощи можно достигнуть всего, стало универсальным, превратилось в насилие против собственного народа.

Где, в какой другой стране пролилось такое море крови, где, в какой другой стране было заплачено сотнями тысяч и миллионами человеческих жизней за установление нового общественного порядка! Как никакая другая, наша страна за короткий срок – немногим более семи десятилетий – пережила величайшие потрясения: гражданскую войну, коллективизацию, голод 1921 г., 1932 – 1933 гг., 1947 г., Великую Отечественную войну, архипелаг ГУЛАГ.

Революция, ожесточенная Гражданская и Великая Отечественная война, последующее развитие советского общества, через всю эту историю которого проходит перманентный поиск внутреннего врага, виновного в бедах и неудачах страны, привели к тому, что слово «расстрелять» люди произносили, не задумываясь, оно не повергало их в отчаяние. Это слово произносили именно тогда, когда речь заходила о борьбе с тем или иным, по их представлениям, негативным явлением. Причем произносили это слово люди, находившиеся на разных ступенях социальной лестницы и на разных уровнях образованности – от простой работницы до доктора наук.

В том, что произошло у нас, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них земле. В том, что произошло, виноваты мы сами. Эта вина разной степени

тяжести: одна – вина руководства, другая – вина активных исполнителей, а третья – это вина народа, принявшего новый режим и участвовавшего в его действиях.

Трагедия народа состоит в том, что террор и страх, стремительное падение цены человеческой жизни, начавшееся с 1917 года, с одной стороны, а с другой – каждодневный разрыв между словом и делом, безудержное славословие и ложь изменили природу человека, сделали его безынициативным, лишенным ответственности за происходящее в стране, лишенным права на эту ответственность и привыкшим жить вне ее даже сумевшим это худшее из современных лишений превратить в своего рода комфорт. Все это сделало в итоге нашего человека не только жертвой, но и соучастником творившихся в стране преступлений.

Очерки, представленные в книге – это лишь малая часть материалов о нашей реальной истории, той истории, о которой мы не знали или предпочитали не знать, забыть, от которой хотели отгородиться.

Многое в писанной истории нуждается в уточнениях и корректировке. Вот почему с особым вниманием мы должны относиться к фактам, по тем или иным причинам не вошедшим в учебники по истории.

Исторические темы и сюжеты стали объектом постоянного внимания не только специальных исторических изданий, но и литературно-художественных журналов, средств массовой информации.

Предлагаемая вниманию читателей книга приобретает особую ценность, знаменуя собой попытку с позиции исторической правды взглянуть на исторические события и персоналии нашего недавнего прошлого.

I. ЭТО БЫЛО ТАК...

Мятежный Кронштадт

*Одна смерть – трагедия,
миллион смертей – статистика
У. Черчилль*

До сих пор многие считают, что Кронштадт – это всего лишь один их эпизодов нашей драматической истории. Однако в действительности – это высшая точка кризиса, постигшего страну в начале 1921 года. Все годы Советской власти события марта 1921 года преподносились нам, как «контрреволюционный заговор», как «антисоветский мятеж». На самом деле кронштадтцы поднялись против преступной политики компартии.

Ни одна страна мира на протяжении новой истории не подвергалась такому опустошению как Россия в конце гражданской войны и интервенции. «История не знала еще такой грандиозной катастрофы», – сказал английский писатель Герберт Уэллс, одним из первых посетивший Россию после этих событий. За семь лет войны население страны сократилось до неполных 137 миллионов человек.

Среди них насчитывалось 4,5 миллиона инвалидов войны. Было уничтожено свыше четверти национального богатства. Города обезлюдели. Выпуск промышленной продукции составлял седьмую часть довоенной. Без движения стояли затопленные или разрушенные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Кавказа. Большая часть промышленности была парализована.

Гражданская война, в основном, закончилась, но сказать, что она полностью завершилась, было еще нельзя. С окончанием главных военных операций обозначился провал планов милитаризации, намеченных в марте 1920 года. Этот год был отмечен глубоким кризисом: экономическим, социальным, политическим. Ленин охарактеризовал его как «самый большой... внутренний политический кризис Советской России».

Экономический крах обозначился на рубеже 1920 – 1921 годов. Оказалось, что имевшиеся скудные средства распределены неверно, в соответствии с чересчур широкими планами. В первые недели нового года обнаружилась нехватка топлива. Пришлось закрыть многие предприятия. То же самое произошло и с транспортом, ухудшилась доставка хлеба.

В отношении продовольственного снабжения надежды возлагались на только что возвращенные хлебные районы: Сибирь, Северный Кавказ, Украина. Но железные дороги бездействовали, и сообщение было ненадежным. Основная тяжесть легла на районы Центральной России.

Между тем эти губернии собрали в 1920 году весьма скудный урожай, что и определило катастрофу, которая грянула годом позже. Планировалось собрать по разверстке 420 миллионов пудов зерна; с большим трудом удалось собрать 284 миллиона. Подвоз зерна резко сократился в январе 1921 года; в Москве и Петрограде и без того мизерные нормы выдачи продуктов были урезаны еще больше; в течение нескольких дней хлеба вообще не выдавали.

Положение в деревне становилось невыносимым: недоставало элементарных орудий труда, даже гвоздей, земля оставалась невозделанной. Урожай снизился еще больше.

Теперь, после окончания войны, недовольство реквизициями и мало производительным принудительным трудом выливалось открыто. На одном из съездов Советов крестьянский делегат говорил: «Крестьяне всегда будут работать. Сыновей своих не жалеют, и сами идем, и в Германии были, и на Урале были, и Колчака били, и Деникина били, и еще будем бить. Они

бежали. Мы еще их будем гнать, если они придут, но все-таки хочется, чтобы нас не мучили... Труд должен быть свободным...»

Зимой кризис власти в деревне вновь приобрел тяжелые формы. Партизанская война или просто бандитизм охватили почти все губернии. В отряды приходили демобилизованные из Красной Армии и дезертиры, которые отправлялись домой пешком, так как транспорт не работал. В некоторых районах страны подобные явления носили массовый характер. На Украине еще действовали отряды Махно, перемежаясь с другими бандами. Обширные зоны партизанской войны образовались на Северном Кавказе и вдоль Волги, особенно в Саратовской губернии. Мятежи начались и в Западной Сибири.

Самый серьезный мятеж разразился в Тамбовской губернии. В конце мая 1920 года войска Тамбовской губернии, значительно усиленные, завершили подготовку к нанесению решающих ударов. Общая их численность (со вспомогательными частями и обслуживающим персоналом) превышала 120 тысяч человек. А непосредственно против антоновцев должны были действовать 53 тысячи бойцов армии Тухачевского, которых своей огневой мощью поддерживало 9 артиллерийских бригад, 4 бронепоезда, 5 бронеотрядов и 2 авиаотряда.

28 мая вся эта огромная военная машина была запущена в действие. В ходе ожесточенных и кровопролитных боев, продолжавшихся до 20 июля, все антоновские полки и сколько-нибудь значительные отдельные повстанческие отряды были уничтожены.

Опасность, впрочем, нависла и там, где дело не доходило до боев. Внушительные вооруженные формирования продолжали действовать вдоль границ; другие нашли укрытие по другую сторону. В Нижнем Новгороде в самый последний момент удалось предотвратить восстание многочисленного гарнизона (50 тысяч человек), вызванное отчаянными условиями, в которых он находился. Аналогичные случаи отмечались в Смоленской губернии, где к тому же был широко распространен бандитизм.

К концу 1920 года нарастало недовольство на селе. В документах подробно описываются невыносимые условия тогдашней деревенской жизни. Усилился поток писем и петиций, поступавших тогда в Москву; нередко их подписывали целые деревни и доставляли специально выделенные ходоки. Значительная часть посланий поступала из тех самых центральных губерний, которые стойко продержались всю войну. «Если до весны никаких решительных шагов... не предпримем, – говорилось в одном из донесений, – то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша».

К началу 1921 года голодал не только город, но и деревня; зимой, несмотря на заверения Троцкого, стал транспорт. Ужас перед надвигающейся голодной и холодной смертью вызвал массовые забастовки в промышленных городах России, прежде всего в Петрограде. Теперь большевикам предъявили их собственные программные требования, которые они в данный момент не могли удовлетворить. В первых числах февраля конференция рабочих-металлистов Москвы и Московской губернии потребовала положить конец реквизициям в деревне. Вся совокупность кризиса в конечном счете слилась в одном слове: Кронштадт. Но это было лишь кульминацией длительной драмы.

Еще несколько слов об экономической и политической ситуации, предшествовавшей кронштадтским событиям. К окончанию гражданской войны в стране производилось лишь 2% довоенного количества чугуна, 3% сахара, 5 – 6% хлопчатобумажных тканей и т. д. Голод, холод, разруха и запустение охватили огромную страну. Жизнь для подавляющего большинства населения превратилась в непрерывную борьбу за выживание. Дело дошло до забастовок и массовых волнений в деревне. Продолжение политики «военного коммунизма» вело к разрыву союза между городом и деревней, а это фактически ставило под сомнение само существование пролетарской диктатуры.

Общая численность корабельных команд военных моряков береговых частей, а также сухопутных войск, дислоцированных в Кронштадте и на фортах, составляла 13 февраля 1921 года 26887 человек.

Даже в условиях хозяйственной разрухи Красный флот снабжался значительно лучше, чем армейские части, не говоря уже об основной массе населения. 8 июня 1920 года матросы, например, получали: хлеба – 1,5 фунта в день (1 фунт – 0,409 кг), крупы – 0,2 фунта, мяса – 0,3 фунта, масла – 0,7 фунта и т. д. Кроме того, регулярно выдавались папиросы, спички, соль, мыло, то есть то, что везде было дефицитом. По этому перечню можно судить, что матросы и красноармейцы были тогда относительно обеспечены необходимым, но их волновали вести из дома, в основном из деревни – нет продовольствия, нет мануфактуры, нет самого насущного.

Восстание в знаменитой морской крепости – одно из главных очагов революции в 1917 году – началось 1 марта 1921 года в связи с забастовками в Петрограде. Восставшие овладели военными кораблями, в том числе двумя крейсерами. Они выдвинули лозунг «Власть Советам, а не партиям!», мечтали о «третьей революции», провозглашали: «Долой правую и левую контрреволюцию!» Главной мишенью были большевики, которым предлагалось отказаться от власти.

Сама партийная организация Кронштадта была расколота на три группы: одна был заодно с мятежниками, другая занимала нейтральную позицию, третья – против них. Первая попытка захватить остров с материка, предпринятая 8 марта, провалилась. В конечном счете восстание было подавлено в результате наступления, начавшегося в ночь с 16 на 17 марта под командованием Тухачевского.

И осажденные, и идущие на штурм сражались с отчаянной отвагой: наступающим пришлось продвигаться по открытому льду залива, в лоб атаковать крепость с ее фортами и батареями. Восемь тысяч восставших сумели укрыться в Финляндии. Эта смертельная схватка между людьми, которые только что сражались плечом к плечу во имя одной и той же революции, была самым тревожным симптомом возможного краха власти, родившейся в октябре 1917 года.

В полемике того времени, как и в более поздних работах историков, организацию мятежей неизменно приписывают старым побежденным партиям, в особенности меньшевикам и эсерам, некоторые из их пропагандистских лозунгов действительно выставлялись различными движениями протеста, сотрясавшими страну.

Но в целом более убедительным выглядит то описание противоборствующих сил, которое дано в воспоминаниях Микояна и в архивных документах. В них меньшевистские и эсеровские группы характеризуются как активные, но, по существу, неспособные на какое-либо выступление во главе масс. Если бы они еще обладали политическим весом, положение большевиков стало бы отчаянным. На самом деле ни восставшие в Кронштадте, ни мятежники из крестьянских банд не шли на поводу этих партий.

«Свобода торговли... неминуемо приведет к белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации», – говорил Ленин 8 марта 1921 года на X съезде.

«Можно ли... восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких землевладельцев, не подрывая тем самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос – в мере». И это – Ленин! Ровно через неделю.

Только Ленину было по силам отказаться от идеи бестоварного социализма, только Ленин мог так круто повернуть руль внутренней политики: в считанные дни из тупика военного коммунизма страна была выведена на путь экономического развития, на путь нэпа.

Власть должна была искать развязку политического кризиса, исходя из реалий самой жизни, гибко реагируя на настроения и требования разных слоев общества, смело отрешаясь от старых догм.

Слово и дело

В конце XIX века интеллигенция выделилась в нестандартную, юридически не оформленную социальную группу из представителей всех сословий, но главным образом людей свободных процессий и умственного труда, сплоченных идеей освободительного движения. Этой идее поклонялись с энтузиазмом первых христиан, за нее боролись, ради нее готовы были жертвовать собой.

Противодействие правительства, отвергавшего по традиции и компромисс со своими подданными, и необходимые реформы, усиливало притягательность освободительной идеи и усугубляло отчуждение интеллигенции от власти, загоняя в конечном счете одних во внутреннюю эмиграцию, а других – в оппозицию и подполье.

Участники непримиримой оппозиции, особенно в нелегальных условиях, меняли кругозор на догматизм, демократические воззрения – на фанатизм, этические нормы – на аморальность: они служили не культуре, а революции и поэтому к интеллигенции уже не принадлежали. Нельзя было причислить у ней соответственно и Ленина, хотя он вырос, по воспоминаниям современников, в интеллигентной семье.

Вождь был все-таки личностью необычной. Он даже ненавидел иначе, чем другие, – не только отдельные представителей рода человеческого, но целые людские пласты, или, как он повторял неустанно, классы.

Первоначально его ненависть проистекала из двух источников: безоговорочной убежденности в своем историческом предназначении (при отсутствии мелкого тщеславия) и ксенофобии самого широкого диапазона.

Его болезненная неприязнь, перераставшая эпизодически в удушливую злобу, распространялась на всех, кто обладал какой-нибудь собственностью, на всех, кто сохранял способность к самостоятельному мышлению и не принимал его взглядов, на все социальные группы и партии (за исключением единоверцев, которым он, впрочем, тоже не очень доверял), на целые государства (кроме, пожалуй, Германии) и особенно на родную страну.

С упоением принимая каждое ленинское слово, точно откровение пророка, чекисты транслировали его расчетливую злобу поначалу во все уголки необъятной империи, а потом – и планеты. Вместе с тем, силясь угодить вождю, они без усталости запугивали его то угрозой военной интервенции, то злодейскими заговорами эсеров или белоэмигрантов за рубежом и внутри страны, то антисоветскими происками организации американской помощи («АРА») то злодейскими заговорами эсеров или белоэмигрантов за рубежом и внутри страны, то антисоветскими происками организации американской помощи («АРА») или Всероссийской комиссии помощи голодающим («Помгол»).

Особые опасения почему-то вызывала у большевиков именно эта комиссия, которую Ленин в минуту язвительного раздражения окрестил «Кукишем» или «Прокукишем», по-своему соединив отдельные слоги фамилий ее ведущих деятелей (С.Н.Прокопович, Е.К.Кускова, Н. М. Кишкин).

Просматривая на досуге «Известия», вождь обнаружил, что к 5 февраля в Москве зарегистрировано свыше 143 частных издательств. Взволнованный потенциальным разгулом гласности, он поручил управляющему делами Совнаркома Горбунову сугубо конфиденциально выяснить, как организован полицейский надзор за издательской деятельностью.

Вскоре на глаза ему попался сборник статей «Освальд Шпенглер и закат Европы». Взглянув на фамилии авторов (Н.А.Бердяев, Я.М.Букшпан, Ф.А.Степун, С.Л.Франк). Вождь написал Горбунову проверить состав издательства, напечатавшего сомнительную книгу, силами и средствами чекистов. Затем он вник в содержание сборника, обозвал его «литературным

прикрытием белогвардейской организации» и 5 марта пустил по его следу заместителя председателя ГПУ Уншлихта.

Спустя две недели внимание вождя застряло на духовенстве. Не трата зря ни минуты, он тут же направил свои знаменитые указания В.М.Молотову: *«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления, <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».*

Следующий пик его активности наступил 15 мая. Вождь поручил наркому юстиции Д.И.Курскому найти формулировку, ставящую деятельность любых других партий в связь с международной буржуазией, и внести конкретные добавления в уголовный кодекс о замене расстрела в некоторых случаях высылкой за границу, расширенном применении расстрела (или изгнания) и расстреле за незаконное возвращение из эмиграции...

Не прошло и двух суток, как он потребовал от Курского «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы». «Суд должен не устранить террор, – вразумлял вождь, – обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально. Ясно, без фальши и прикрас...»

Теперь каждый оппонент казался ему оппозиционером, посягающим на завоеванную им власть. Чувство собственной непогрешимости и непреклонная уверенность в постоянных неприятельских происках толкали его на как бы целесообразные (всякий раз применительно ко вновь открывающимся обстоятельствам) и очень целенаправленные агрессивные действия. Достигнув точки кипения, вождь набросал для ГПУ инструкции «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции», и 19 мая отправил свое послание, написав на конверте: «г. Дзержинскому. Лично, секретно, зашить».

На Политбюро Ленин предписал возложить цензорские функции, обязав сподвижников в течение 2—3 часов в неделю просматривать всевозможные публикации и составлять отзывы о политической благонадежности их авторов. От ГПУ он потребовал «собрать систематические сведения» о всех профессорах и писателях.

Очередное подтверждение своей прозорливой подозрительности вождь получил 22 мая, когда нарком здравоохранения Семашко донес о «важных и опасных течениях, замеченных на II Всероссийском съезде врачебных секций. По словам наркома, непокорные врачи восхваляли медицину земскую в противовес советской, желали демократии, стремились «стать вне общепрофессионального рабочего движения» и мечтали о собственном печатном органе. Расвирепевший вождь тут же послал записку Сталину с предложением поручить Дзержинскому и Семашко «выработать план мер».

Бережно подхватив идею государственного погрома «гнилой интеллигенции» из ослабевших рук обезумевшего вождя, члены Политбюро взялись за дело. Для разминки 26 мая заслушали мнение вождя о «белогвардейской литературе» в изложении Дзержинского. Договорились «обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда некоммунистических изданий». Поручили тройке в составе Н.Л.Мещерякова (начальник Главного управления по делам печати), Я.С.Агранова (особоуполномоченный чекист, надзиравший за искусством) и А.С.Бубнова (заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП (б) подготовить план распределения книг среди верховных цензоров.

«Протокол №10

заседания Политбюро от 8 июня 1922 года.

Присутствовали: члены Политбюро т. т. Каменев, Сталин, Троцкий, Рыков, Зиновьев, кандидаты – т. Калинин; члены ЦК – т. т. Радек, Сокольников, с совещательным голосом – т. Цюрупа.

8. – Об антисоветских группировках среди интеллигенции (Уншлихт).

а) Принять с поправками следующее предложение т. Уншлихта:

В целях обеспечения порядка в в <ысших> у <чебных> заведениях образовать комиссию из представителей Главпрофобра и ГПУ (Яковлева и Уншлихт) и представителя Оргбюро ЦК для разработки мероприятий по вопросам:

а) о фильтрации студентов к началу будущего учебного года;

б) об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения;

в) об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения.

Созыв комиссии за т. Уншлихтом, срок недельный. 2. Той же комиссии (см. п. 1) выработать правила для собраний и союзов студенчества и профессуры.

Предложить Политотделу Госиздата совместно с ГПУ произвести тщательную проверку всех печатных органов, издаваемых частными обществами, секциями спецов при Профсоюзах и отдельными наркоматами (Наркомзем, Наркомпрос и пр.).

Б) Пункты 3-й и 4-й проекта постановления (см. приложение) принять в основе, внося следующие поправки: в пункте 3-м «ГПУ» заменить «НКВД». Конец пункта 3 изменить: «Местные съезды или совещания спецов разрешаются Губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ (Губотделов)».

Для окончательной формулировки п.п. 3 и 4, выработки форм проведения и рассмотрения вопроса о необходимости проведения в законодательном порядке создать комиссию в составе т. т. Курского, Дзержинского и Енукидзе. Созыв комиссии за т. Енукидзе. Срок работы – недельный.

В) Пункт 5-й передать в ту же комиссию с обязательным вызовом Томского или Рудзутака.

Г) Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР.

Д) Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т. т. Уншлихта, Курского и Каменева.

Е) Вопрос о закрытии изданий и органов печати, не соответствующих направлению советской политики (журнал Пироговского общества и т.п.), передать в ту же комиссию (см. п. «д»).

Ж) Пункт 8-й проекта постановления отклонить.

9. – О директиве в связи с Всероссийским съездом врачей (Уншлихт).

А) Общие меры, вызванные съездом врачей, отложить до конца эсеровского процесса.

Б) Вопрос об аресте некоторого числа врачей, который необходимо произвести немедленно, передать в комиссию т. Уншлихта, Курского и Каменева (см. п. 8-д).

В) Предложить ГПУ внимательнейшим образом следить за поведением врачей и других интеллигентских группировок во время процесса эсеров и не допускать никаких демонстраций, речей и т. п.

Приложение к п <ункту> 8-б пр <отокола> ПБ №10 от 8.VI.22 г.

Предложения тов. Уншлихта, сданные в комиссию.

3. Установить, что ни один съезд или Всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов, и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ (Губотделов).

4. Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10.VI перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

5. Предложить ВЦСПС не допускать образования и функционирования союзов спецов помимо общепрофессиональных объединений, а существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под особое наблюдение. Уставы для секций спецов должны быть пересмотрены при участии ГПУ. Разрешения на образование секций спецов при профобъединениях могут быть даны ВЦСПС только по соглашению с ГПУ...

Все объединения научных работников утверждаются Главпрофобром и регистрируются в НКВД.

Студенческие общества утверждаются правлением ВУЗа и регистрируются в НКВД и его местных органах в общем порядке, согласно постановлению ВЦИК от 12 июня 1922 года.

До начала учебного года все студенты (кроме членов РКП, РКСМ) обязаны представить отзыв ГПУ по месту нахождения данного ВУЗа о лояльном отношении к советской власти. Командированные профсоюзом – отзыв секретариата профсоюза, рабфаковцы – отзыв Президиума рабочего факультета.

На будущее соответствующую инструкцию должен выработать Наркомпрос вместе с ГПУ».

Основные «осиные гнезда» инакомыслящих чекисты обнаружили в Московском и Петроградском университетах, сельскохозяйственной академии и агрономическом институте, Московском высшем техническом училище и Петроградском политехническом институте, коммерческом и археологическом институтах, Русском техническом и Вольном экономических обществах. Чистке по принципу умственной полноценности подлежали правоведы и философы, историки и литераторы, агрономы и экономисты, инженеры и врачи.

Особое негодование у наследников охранного отделения вызывали нераскаившиеся члены упраздненных партий. Над кадетыми – центром притяжения «гнилой интеллигенции» – они чинили расправы непрерывно с 1918 года. С меньшевиками покончили практически в феврале 1922 года: основную часть загнали в отдаленные губернии страны под надзор тайной полиции (с целью использования в качестве человеческого фактора на будущих политических процессах), а лидеров, хорошо известных за рубежом, выкинули в Германию, выдав пособие в размере 13 долларов на всю оставшуюся жизнь и напутствие – ни в чем себе не отказывать.

Историк, публицист, редактор журнала «Голос минувшего», основатель кооперативного издательства «Задруга» Мельгунов еще в 1920 году был приговорен к расстрелу, замененному десятилетним заключением. По ходатайству Академии наук, знаменитой Веры Фигнер и теоретика анархизма князя П.А.Кропоткина его выпустили из тюрьмы в феврале 1921 года, чуть ли не в день похорон князя. Вновь арестованный летом 1922 года, Мельгунов избежал дальнейших преследований лишь благодаря прошению Веры Фигнер о его высылке. Вместе с ним навсегда уезжали наиболее квалифицированные сотрудники издательства «Задруга».

Подручным вождя не довелось даже ломать себе голову над составлением списка «правосоветской интеллигенции». Достаточно было выбрать наиболее ярких авторов и редакторов запрещенных изданий. Ленинский перечень лиц, в которых советское государство больше не нуждалось, сразу приобретал, таким образом, окончательный вид.

В этот феноменальный свиток вошли и бессменный редактор ненавистной большевикам и давно — закрытой газеты «Русские ведомости» В.А.Розенберг; и два журналиста –

Н.М.Волковвысский и Б. Ихаритон, выпускавшие в Петрограде малоизвестный (и, как положено, без задержки добытый) журнал «Летопись Дома литераторов» (этот «орган контрреволюционной обывательщины», по отзыву Н.К.Чуковского, с мая по август 1922 года выходил под названием «Литературные записки»); и, главное, целая команда философов, искателей «интеллигентской правды», по выражению Бердяева, – А.Л.Байков, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Б.П.Вышинславцев, А.С.Изгоев, И.А.Ильин, Л.П.Карсавин, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Ф.А.Степун, С.Л.Франк...

18 августа в нетерпеливые руки вождя опустилась служебная записка Уншлихта:

«Согласно Вашего распоряжения посылаю. Списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине, утвержденные Политбюро. Операция производилась в Москве и Питере с 16-го на 17-ое, по Украине с 17-го на 18-ое.

Московской публике сегодня объявлено постановление о высылке за границу и предупреждение, что самостоятельный въезд в РСФСР карается расстрелом. Завтра выяснится вопрос с визами. Ежедневно буду Вам посылать сводку о ходе высылки.

С комприветом. Уншлихт.

Все с нетерпением ждем полного восстановления Ваших сил и здоровья. 18.8.22 г.»

В администрацию учреждений, где работали арестованные, 22 августа ГПУ разослало однотипные уведомления:

«Настоящим ГПУ сообщает, что профессор 1-го Государственного университета Стратонов Всеволод Викторович 17 августа с.г. арестован за антисоветскую деятельность. На основании декрета Совета Народных комиссаров от 30 июля 1919 года «Об ограничении прав на вознаграждение лиц, привлеченных к следствию или суду», опубликованного в №168 «Известий ВЦИК» от 1 августа 1919 года, гражданин Стратонов В. В. подлежит немедленному увольнению со службы (ст. 1-я) и лишению со дня ареста получаемого им до сих пор содержания (ст. 2-я).

Зам. Пред. ГПУ – Уншлихт. Нач. СОГПУ – Самсонов».

Всем арестованным предложили выехать за границу и всех, давших в этом подписку, вскоре выпустили из-под стражи для сборов в дорогу и «ликвидации своих дел». Не пожелавшим навсегда покинуть родную страну за собственный счет посулили изринуть в ближайшие сроки за счет ГПУ и под конвоем. Обещанию этому приходилось верить, поскольку исходило оно непосредственно от начальника Главного управления профессионального образования (Главпрофобр) Яковлевой – совсем недавно еще важной персоны в системе ВЧК – ОГПУ.

Солнечным утром 31 августа «Правда» преподнесла населению невнятную и, как всегда, безымянную передовую под заголовком «Первое предостережение». Особого внимания заслуживал в ней следующий абзац: «Кадетствующие и эсерствующие круги интеллигенции, вообразив, что нэп дает им новую опору для контрреволюционной работы, усиленно повели таковую, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию».

3 марта 1922 года Ленин втолковывал приближенным: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому». Через несколько месяцев неутомимый толмач ленинских идей Зиновьев разъяснял на Всероссийской конференции РКПб): «Мы не думаем отказываться от репрессий.

Но они должны занять не то место теперь, какое занимали в эпоху военного коммунизма. Мы умели прибегать к решительным мерам в разгар гражданской войны. Теперь мы можем прибегать и к более сложным, не таким механическим мерам».

4 сентября вождь вызвал к себе Дзержинского для обсуждения развернутой программы превращения эпизодических погромов интеллигенции в перманентные. Творчески развивая ленинскую науку ненависти, вождь ГПУ в тот же вечер приступил к изложению соответствующих указаний своему заместителю Уншлихту:

«Директивы В <ладимира> И <льича>. С <овершено> секретно. 4/IX.

Продолжать неуклонную высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньших в первую очередь) за границу.

Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределить между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сборников «Мысль» и «Задруга».

Ф. Дзержинский.

Т. Уншлихт! У нас в этой области большое рвачество и кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица достаточно компетентного, лица, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Это подручный. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т. Менжинский. Переговорите с ним, дав ему эту мою записку.

Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы, 2) публицисты и политики, 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.), 4) техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т.д., 5) профессора и преподаватели и т. д. и т. д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемы всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом.

Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения. Надо в плане далее наметить очередность заданий и освещения групп. Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть. <...>

Необходимо также вести наблюдение за всей ведомственной литературой НКЗема, ВСНХ, НКФ, НКПС и других. Например, авторы сборника НКФ <инансов> №2 «Очер <едные> вопр <осы> фин <ансовой> политики» – явно белогвардейцы, как А.А.Соколов. О принятом решении и выработке <отанном> плане сообщите мне.

5/IX Ф. Дзержинский».

Чекисты спешили отрапортовать вождю об исполнении его директивы, но процедура изгнания незаметно затягивалась. Сначала канцелярия ГПУ не справилась в намеченные сроки с изготовлением заграничных паспортов.

Потом заартачились немцы, дипломатично объяснив некоторые различия между своим государством и российской провинцией – традиционным местом ссылки неугодных властям. Выяснив, однако, от кого именно пожелали избавиться большевики, германское правительство согласилось выдать визу каждому, кто подаст соответствующее заявление, без каких-либо проволочек.

Такие оттяжки крайне беспокоили вождя. Вконец раздосадованный, он еще раз просмотрел списки «активной антисоветской интеллигенции» и 17 сентября затребовал от Уншлихта пометки: «Кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки». Через день пришел утешительный рапорт еще одного участника погрома.

Начальник секретно-оперативного управления ГПУ Г.Г.Ягода кратко, по-военному, отразил предначертанную чекистами судьбу каждого персонажа в личном ленинском списке и добавил, что первая партия интеллигентов уезжает из столицы 29 сентября, несколько человек находится под стражей, а большинство, кроме пока еще незаменимых и поэтому как бы прощенных, собирается в путь.

Верный Ягода отличился: усрал-таки первый отряд изгнанников (вместе с Питиримом Сорокиным) поездом в Латвию, да еще с опережением графика, 23 сентября. Вторая, более многочисленная группировка интеллигентов отправилась в Петроград 29 сентября, чтобы уже на следующий день отплыть на германском пароходе в неведомое; на Николаевском вокзале их провожала кучка студентов и всего один старый профессор – М.А.Мензбир...

Кончилось как будто навсегда, время строить, беречь, творить – настало время разрушать, терять, ненавидеть. Ушли в предания дни, когда люди изгоняли бесов, – теперь бесы изгоняли людей.

К этой истерической потребности оказаться в центре внимания всей планеты примешивалась изрядная доля совместного страха в связи с учиненными преступлениями. Большевикам постоянно мерещилась расплата за содеянное; страх перед ней вынуждал их холить и лелеять тайную полицию. К пятой годовщине ее образования секретарь ЦК РКП (б) Молотов и заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП (б) Бубнов изготовили и 8 декабря 1922 года разослали по стране циркуляр, вменяющий в обязанность всем большевикам обсудить «меры моральной и материальной поддержки органов ГПУ со стороны партии и широких масс».

Дзержинский тоже внес свой, самобытный, вклад в репрессивную практику – тотальную подозрительность и холодную лютость массового террора.

В марте 1923 года он составил секретную программу «завоевания» всех административных структур в целях безошибочной охраны «нашей системы государственного капитализма, то есть самого советского государства»: „В систему мер воздействия и покорения всего чиновничества необходимо ввести беспощадное уничтожение преступлений и бесхозяйственности по намеченной системе и плану (определенные кампании с широким оповещением и предупреждением) путем изъятия и наказания (вплоть до террора).

Эти изъятия необходимы и для воздействия на трудолюбие и производительность труда остающихся и для сокращения массы чиновничества – голое сокращение в одном месте дает увеличение в другом. Изъятим чиновничеством следует колонизировать Север и безлюдные и безинтеллигентные местности (Печора, Архангельск, Туруханка)».

Даже возглавив через год ВСНХ и сосредоточив внимание на экономических проблемах, он остался человеком карательной идеи (при довольно бережном отношении к новым сотрудникам). Его воззрения, высказанные Менжинскому в начале февраля 1926 года, отличались прежней категоричностью и максимализмом: «Наше государство не может быть в опасности без прав ОГПУ, за которые мы как ведомство держимся».

Теория и практика наркомата юстиции не имели, по его мнению, ничего общего с диктатурой пролетариата, а представляли собой «либеральную жвачку буржуазного лицемерия»; для пользы государства «во главе прокуратуры должны быть борцы за победу революции, а не люди статей и параграфов...»

Планомерно уничтожая культуру в собственной стране, Ленин заслужил фактически славу Герострата. Но рожденная его больным сознанием идея непрерывного погрома инакомыслящих законсервировалась на десятилетия. Уголовные дела на мыслителей и созидателей в дальнейшем множились и почковались непрерывно, возникали из ничего и фабриковались в нечто, вызревали из коллективных представлений маргиналов и материализовывались сами собой из первобытных страхов. Наследники Герострата тоже знали, какая дорога ведет к храму...

В Париже исчезали генералы...

В воскресенье 26 января 1930 года в 10.30 утра председатель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов вышел из своей квартиры на улице Руссе и направился на улицу Мадемуазель в церковь Галлиполийского союза – организации белоэмигрантов, пребывавших некоторое время после гражданской войны на Галлиполийском полуострове и острове Лемнос в Турции. Жене генерал сказал, что вернется на дачу к часу дня. Но не вернулся.

В среду 22 сентября 1937 года около 9 утра председатель РОВСа генерал-лейтенант Евгений Иванович Миллер, как обычно, отправился на службу – в штаб-квартиру союза по улице Колизе, 29. Приблизительно в полдень он вышел оттуда и навсегда исчез...

После поражения

Сенсационные исчезновения среди бела дня руководителей Русской эмиграции поистине взбудоражили общественное мнение. Им посвящали целые полосы газеты и журналы, для них не жалели эфирного времени радиостанции, следствие по делу о пропавших генералах вели правительственные и частные сыскные службы. Лишь родина этих людей не возмутило хранила молчание.

Советские средства массовой информации апробировали куда более злободневные темы: героика первых пятилеток, триумф колхозного строя, бдительность и твердость в борьбе с врагами народа и, конечно же, восхваление великого вождя народов. А эмигрантские дела... Они давно уже за железным занавесом.

Меж тем как родина, увы, имела отношение к таинственным исчезновениям. И отношение самое прямое – по линии иностранного отдела ОГПУ СССР (с 1934 года – НКВД), в задачи которого входила и многогранная деятельность по разложению эмиграции тем или иным путем. Сейчас постепенно раскрываются все новые и новые тайны сталинских секретных служб, не отрицается и их участие в похищении генералов Кутепова и Миллера. Быть может, когда-нибудь публикация документов архивов госбезопасности расставит акценты и в этом деле. А пока...

Пока попробуем воссоздать картину событий на основе прежде всего некоторых уже раскритиченных архивных материалов, а также многочисленных зарубежных и совсем немногочисленных отечественных публикаций.

В ноябре 1920 года целая армада самых разных судов (от дредноута до баркасов и парусников – все, что врангелевцам удалось мобилизовать в крымских портах) увозила к турецким берегам остатки разбитого войска (по одним данным, здесь было 126 судов, по другим – 170). В панике бросали войсковое имущество, склады, госпитали с ранеными, бронепоезда, артиллерию, танки.

Корреспондент берлинской эмигрантской газеты «Руль» сообщал, что численность покончивших по время эвакуации самоубийством, сброшенных и бросившихся в море не поддается учету. Участники этого вынужденного морского путешествия вспоминали о нем с ужасом.

Для многих пребывание на кораблях оказалось настоящей пыткой. «На некоторых судах, рассчитанных на 600 человек, находилось до трех тысяч пассажиров; каюты, трюмы, командирские мостики, спасательные лодки были битком набиты народом. Шесть дней многие должны были провести стоя, едва имея возможность присесть». Не было хлеба, не было воды. Задыхались от тесноты. Замерзали от холода. Кто-то, не выдержав, сходил с ума.

Что же происходило далее? Проиллюстрируем это примером из одной рукописи, сохранившейся в архиве под названием «Записка о причинах крымской катастрофы». Автор записки – полковник, служивший в армии генерала Врангеля начальником судной части 1-

го корпуса. Уже будучи в эмиграции, он решил оставить свидетельство для истории. «Население местность, занятой частями крымской армии, – пишет автор записки, – рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране... Крестьяне непрерывно жаловались на офицеров, которые незаконно реквизировали, т.е. вернее, грабили у них подводы, зерно, сено и пр. ... Защиты у деревни не было никакой. Достаточно было армии пробыть 2 – 3 недели в занятой местности, как население проклиняло всех...»

В сущности, никакого гражданского управления в занятых областях не было, хотя некоторые области были заняты войсками в течение 5 – 6 месяцев... Генерал Кутепов прямо говорил, что ему нужны такие судебные деятели, которые могли бы по его приказанию кого угодно повесить и за какой угодно поступок присудить к смертной казни... Людей расстреливали и расстреливали. Еще больше их расстреливали без суда. Генерал Кутепов повторял, что нечего заводить судебную канитель, расстрелять и все...»

Основной поток эмигрантов приходится на годы гражданской войны. За пять дней ноября 1920 года из Крыма на константинопольский рейд прибыло около 150 тысяч эмигрантов, из них примерно 70 тысяч офицеров и солдат врангелевской армии. А всего через Константинополь за несколько лет прошло более 300 тысяч русских эмигрантов. Из Турции многие из них попадали потом в балканские страны, Чехословакию, Францию.

Другой путь движения белой эмиграции проходил через Польшу. Отсюда эмигранты направлялись в Германию, Францию, Бельгию. В самой Польше они, как правило, долго не задерживались, хотя на какое-то время здесь собирали их большие массы. В одном из отчетов земско-городского комитета – эмигрантской благотворительной организации – отмечалось, что в середине 1921 года в Польше насчитывалось до 200 тысяч эмигрантов из России.

Крупным центром сосредоточения белой эмиграции стала Германия. Западногерманский историк Г.-Э. Фолькман на основе данных министерства иностранных дел Германии установил, что в декабре 1922 года там было до 600 тысяч русских эмигрантов (имелись в виду все выходцы из Российской империи, в том числе и белорусы). Во Франции, куда в середине 20-х годов началось массовое переселение белоэмигрантов, их собралось к тому времени до 400 тысяч. Еще один поток эмигрантов, но значительно меньший по масштабам, направлялся в Финляндию и прибалтийские государства.

Особым районом эмигрантского «расселения» был Китай. Сюда устремились остатки разбитых войск адмирала Колчака, отрядов генерала Каппеля, атамана Семенова и других. В Маньчжурии, по разным сведениям, в 20-е годы жило более 100 тысяч человек. Правда, довольно значительную часть их составляло население, поселившееся в полосе отчуждения КВЖД еще до революции.

Милюков насчитал 25 государств (без стран Америки), где к 1924 году жили эмигранты из России. В Южной Америке, США и Канаде число осевших там белоэмигрантов все время возрастало. В США в начале 20-х, по приблизительным расчетам, их было уже около 30 тысяч.

К выходцам из России относились не только русские, но и эмигранты других национальностей: украинцы, белорусы, грузины, армяне и т. д. Среди них было много людей, попавших за границу еще до революции по причинам экономического характера: в поисках работы и средств к существованию. В то же время в разных странах действовали политические группировки и организации эмиграции.

Центры белорусской эмиграции обосновались в Чехословакии, Германии, Канаде.

Верхи белой эмиграции изобретали новые и новые политические комбинации. Врангель решил сформировать своего рода правительство – «Русский совет», который объявлялся преемственным «носителем законной власти», объединяющим силы, «борющиеся против большевиков». В «Русский совет» вошли вместе с генералами П. Врангелем, А. Кутеповым, П. Кусонским, П. Шатиловым такие деятели, как граф В. Мусин-Пушкин. И. Алексинский, Н.Н.Львов.

Одной из крупнейших организаций, был Русский общевоинский союз. Он был образован 1 сентября 1924 года генералом П. Врангелем при покровительстве дяди Николая II – великого князя Николая Николаевича. Объединяя в большей степени духовно, чем организационно, различные общества и союзы российских воинов за границей, он имел целью сохранение ядра армии для последующего ее развертывания и использования в антисоветской «освободительной борьбе».

Отделы и отделения РОВСа имелись в Западной, Восточной, Юго-Восточной Европе, на Дальнем Востоке, в Америке, Азии. К началу 30-х годов союз насчитывал около 40 тысяч членов (в 20-е годы их было до 100 тысяч), причем численность в случае экстремальной необходимости могла быть увеличена в два – три раза.

Значительную часть росовцев составляли бывшие офицеры. Будучи теперь таксистами и чертежниками, рабочими и студентами, бухгалтерами и профессорами, они все еще оставались поручиками, капитанами, полковниками...

Забывтый генерал

Александр Павлович Кутепов до революции служил в гвардии, повоевал на фронтах первой мировой, в 1917 году 35-летним полковником командовал Преображенским полком. Гражданскую войну начал ротным командиром добровольческой армии в первом кубанском (ледяном) походе генерала Л. Корнилова, затем последовательно стал корпусным командиром, генералом от инфантерии. В РОВСе длительное время руководил разведывательной работой.

Реальные результаты ее были невелики – прежде всего в силу успеха чекистской контрракции: действовавшего в 1922 – 1927 годах мифического «Треста», о котором сейчас широко известно, но главным образом по детективным романам и кинофильмам.

Что же собой в действительности представлял «Трест», еще предстоит выяснить по первоисточникам. Отметим, что видный монархист В. Шульгин на склоне лет рассказывал о своей беседе с главным «трестовцем» А. Якушевым, который подчеркивал, что инициатором создания «Треста» был Троцкий, который, видимо, предполагал использовать его в борьбе за власть. «Трест» – это измена, поднявшаяся в такие верхи, о которых вы даже не можете и помыслить, – говорил он.

Так или иначе «Трест» имел обширнейшую информацию о заграничных антисоветских центрах. «Попались на удочку ГПУ почти все организации, огромное количество политических деятелей чувствует, что у них рыльце в пушку, что углубление вопроса обнаружит их глупую роль», – отмечал Врангель.

Не стала исключением и служба генерала Кутепова, получавшего регулярно корреспонденцию «Треста», использовавшая его явки и «окна» через границу. «Трестовцы» мастерски играли на нереализованных амбициях генерала, сообщая ему об избрании почетным членом и почетным председателем многочисленных «подпольных групп» в Советской России, подчеркивая его «неоспоримое преимущество» перед Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем: «Вы, и только вы спасете Россию, среди нас одно ваше имя пользуется популярностью, которая растет и ширится».

Генерал А. Деникин, в руки которого волею судеб попала переписка «Треста» с Кутеповым, был поражен широтой и глубиной этих контактов, а также поразительной беспечностью, казалось бы, умудренного жизненным опытом человека.

Кстати, от этой беспечности пострадала и семья Деникина. Антон Иванович как-то попросил Кутепова выяснить возможность выезда из Советской России за границу своего тестя В. Чижа, служившего на железной дороге в Крыму, предупредив о конфиденциальности поручения и необходимости сохранить в строгой тайне связь Чижа с Деникиным.

После этого никаких сведений о тесте больше не поступало. Каково же было изумление старого генерала, когда он обнаружил одну из записок Кутепова в «Трест»: «Деникин просит

информировать о стоимости перевозки его тестя из Ялты...» (!) Справедливости ради надо сказать, что Кутепов имел и свои собственные, не связанные с «Трестом» «окна», поэтому весной 1927 года после скандала с разоблачением «Якушева и компании» он приступает к маскированным диверсиям.

Были произведены взрывы в Центральном партийном клубе в Ленинграде, подложены зажигательные бомбы в одно из зданий ОГПУ на Лубянке в Москве, осуществлены переброски вооруженных террористических групп из Финляндии, Латвии, Эстонии. Впрочем, эти отчаянные действия особого эффекта не имели: диверсанты были либо убиты в перестрелке, либо покончили с собой.

25 апреля 1928 года умер Врангель, а 5 января 1929-го – великий князь Николай Николаевич. Председателем РОВСа стал Кутепов. «Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить», – заявил он на парижском банкете в его честь. Новый председатель предпринимает интенсивные попытки консолидации антисоветски настроенных эмигрантов, твердо проводит линию на сохранение кадров армии и военных организаций.

«В этот вечер, как никогда, чувствовалось, что русская армия жива, несмотря на все испытания и 8 лет жизни на чужбине, – писал журнал „Часовой“ после встречи с Кутеповым с белоэмигрантами в Чехословакии. – Молодые профессора, инженеры, юристы, архитекторы, студенты в штатских костюмах, собравшиеся чествовать своего вождя, снова почувствовали себя офицерами и солдатами, и до полуночи гремело восторженное „ура“ в ответ на речи генерала Кутепова и других ораторов».

Выступая в Сербии перед кубанскими казаками, «вождь» даже объявил, что сигнала «поход» еще нет, но сигнал «становись» уже должен быть принят членами РОВСа. Времена «Треста» прошли, но было бы наивно полагать, что им одним ограничилась зарубежная деятельность ОГПУ. Чекисты иностранного отдела служили в полпредствах, осуществляли вербовку русских эмигрантов и граждан различных стран. Не мог, конечно же, чувствовать себя в безопасности и председатель РОВСа, особенно столь активный, как Кутепов...

Он же, однако, упорно отказывался от услуг телохранителей, мотивируя это нежеланием расходовать средства союза. В конце концов бывшие офицеры добровольческой армии, а ныне парижские таксисты взяли дело охраны на себя и возили безвозмездно своего генерала по служебным и личным надобностям в будние дни. По воскресным дням он отсылал их, приказывая «не обременять себя». Именно в воскресенье все и произошло...

По показанию одного из свидетелей 26 января 1930 года серо-зеленый «Альфа-Ромео» и такси «Рено» красного цвета остановились на углу улиц Рузель и Удино. Трое мужчин (один из них в форме полицейского) вышли из машины. Около одиннадцати утра человек среднего роста с аккуратно подстриженной бородой, одетый в темное пальто и фетровую шляпу, появился на улице.

Вдруг один из троих схватил его за правую руку, другой – за левую, и, несмотря на сопротивление, затащили в серо-зеленую машину, в то время как «полицейский» занял место рядом с шофером. Машины двинулись по направлению к бульвару Инвалидов. После ознакомления с фотографией генерала Кутепова свидетель опознал его в «человеке с черной бородой».

Второй свидетель также показал, что видел борьбу, имевшую место в серо-зеленом автомобиле. Оба свидетеля, видя присутствие полицейского, сочли что наблюдают обыкновенный арест.

На мосту Альма, где обе машины задержались в потоке транспорта, третий свидетель, женщина, видела одного из пассажиров серо-зеленого «Альфа-Ромео», закрывшего носовым платком лицо своему соседу. «Полицейский» же выскочил из машины и направлял движение транспорта, освобождая дорогу. Женщина спросила, что произошло с человеком в машине, и получила ответ от «полицейского», что ноги несчастного были придавлены в дорожном происшествии-, и они дают ему эфир для притупления боли.

Обе машины с «полицейским» во главе были затем замечены многими прохожими на дорогах в Нормандию к побережью. А в четыре часа того же дня влюбленные, прогуливаясь в дюнах Фале де Вашнуар, что между Кобургом и Трувиллем, были весьма удивлены прибытием двух машин на пустынный пляж – серо-зеленого автомобиля «Альфа-Ромео» и красного такси «Рено». Влюбленные видели также моторную лодку, фланирующую вдоль берега, и пароход, стоявший на якоре в отдалении.

Как только появились автомобили, моторная лодка подошла к пляжу, но вынуждена была остановиться в нескольких шагах от берега. Двое, «полицейский» и «женщина в бежевом пальто», взвалили на плечи большой продолговатый предмет, завернутый в мешковину. x

Они вошли в воду и положили предмет на дно лодки, где находилось еще два человека. Лодка на полной скорости помчалась к пароходу, который поднял якорь и ушел, как только находившиеся в лодке и их таинственный груз оказались на борту. Это был советский пароход «Спартак», неожиданно ушедший из Гавра днем раньше. Обе машины с псевдополицейским и «женщиной в бежевом пальто» выехали по направлению к Парижу.

Официальное расследование похищения длилось долго, и к его завершению французское правительство предпочло замять дело, дабы не рисковать разрывом отношений с СССР. Частное следствие по делу Кутепова было проведено Владимиром Львовичем Бурцевым, известным издателем и журналистом, чьи произведения, наконец-то, стали доступны современному читателю.

Разоблачивший в свое время знаменитого провокатора Азефа, Бурцев вложил много сил в выяснение загадки исчезновения белого генерала. Он близко сошелся с Фехнером, бывшим резидентом ГПУ в Берлине, который стал невозвращенцем и скрывался от прежних хозяев в Германии. Именно Фехнер и рассказал Бурцеву о тех, кто организовал похищение. Их было четверо, все – сотрудники советских представительств во Франции, все – штатные агенты иностранного отдела ОГПУ СССР. Главную роль играли двое: В. Янович и Л. Гельфанд.

Янович был репрессирован в конце 30-х годов, а Гельфанд, кстати, племянник известного германского социалиста-демократа Парвуса, умер в Нью-Йорке своей смертью через тридцать с лишним лет. В начале второй мировой войны он занимал должность поверенного в делах СССР в Италии.

В июне 1940 года при помощи зятя Муссолини Чиано и сотрудников американского посольства выехал в Соединенные Штаты под предлогом того, что он может быть ликвидирован в Москве. Гельфанд получил политическое убежище в Америке, стал жить под чужой фамилией, и, вероятно, раскрыл немало секретов американской разведке. Однако о похищении Кутепова его, видимо, не спрашивали – по крайней мере, никакой информации об этом в печать не просочилось.

В советской печати впервые сказано было об операции чекистов по похищению генерала Кутепова в статье Н. Шиманова «Мои дополнения к роману Л. Никулина «Мертвая зыбь»». Однако до сих пор об этом больше не распространялись.

Что же все-таки стало с Кутеповым? Его личный врач, хорошо известный хирург И. Алексинский говорил, что из-за тяжелого фронтowego ранения в грудь организм генерала не мог вынести анестезии, поэтому применение эфира или хлороформа (платок в машине!) вкупе с борьбой и волнением должно было привести к смертельному исходу. Впрочем, это только предположение...

Интересна судьба сына генерала Кутепова – Павла, которому, когда исчез отец, не было еще и пяти лет. Он жил и учился во Франции, Латвии, Сербии. В 1943 году был изгнан из учебного заведения за антифашистские взгляды, участвовал в югославском Сопротивлении. В сентябре 1944 года перешел линию фронта и некоторое время служил переводчиком в Красной Армии, однако затем был осужден на десять лет по 58-й статье.

После освобождения в 1954 году работал на текстильных предприятиях Иванова, а с 1960 года – в Отделе внешних церковных сношений Московского патриархата, был главным редактором бюро переводов и информации. Умер в декабре 1983 года. В некрологе, написанном тогдашним председателем отдела митрополитом Филаретом (ныне Патриаршим Экзархом всея Беларуси), отмечалось, что он «обладал редкостными качествами души и высокими христианскими достоинствами, всегда был дружественно настроен, приветлив, чуток и внимателен с людьми»...

Честь имею

Новым председателем Русского общевойскового союза стал 63-летний генерал Евгений Карлович Миллер. Выпускник Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, он служил затем в лейб-гвардии гусарском полку, окончил Академию генерального штаба, был военным атташе в Бельгии, Голландии, Италии, находился на штабной работе.

В 1915 году Миллер был произведен в генерал-лейтенанты, командовал корпусом в первую мировую войну, а во время гражданской боролся с революцией на Севере, будучи военным губернатором Северного фронта. По свидетельству современников, он встал во главе РОВСа вовсе не в силу личных амбиций, а лишь из чувства служебного долга, поскольку был первым заместителем у Кутепова.

И генерал Миллер, как мог продолжал линию своего предшественника: устраивал смотры чинов союза, содействовал военному образованию и воспитанию подрастающего поколения, не брезговал подготовкой новых антисоветских диверсий. РОВС неумолимо разьедали внутренние противоречия. То там, то здесь проявляли свои амбиции руководители региональных кружков и групп.

За спиной Миллера генералы П. Шатилов и Ф. Абрамов готовили создание нового центра на основе «предварительного секретного сговора с необходимым числом влиятельных руководителей эмигрантских организаций». Свинью подложил Миллеру и генерал А. Туркул, последний командир Дроздовской дивизии.

Он объявил в июне 1936 года о создании независимого Русского национального союза участников Великой войны, грубо нарушив тем самым уставные принципы РОВСа, запрещавшего его чинам участвовать в других организациях. Исключение из рядов РОВСа чрезвычайно популярного в эмигрантских кругах генерала, отрешение его от символической должности «командира Дроздовского стрелкового полка» отнюдь не способствовало росту авторитета Миллера и его ведомства.

Наступление фашизма, его воздействие на русские воинские организации также способствовали расколу эмиграции, большая часть которой никак не могла принять на вооружение идеологию и практику фашизма. Тем не менее в циркуляре Миллера от 2 января 1937 года говорилось: «Мною уже неоднократно указывалось о необходимости всех чинов Русского общевойскового союза быть основательно ознакомленными не только с теорией фашизма (национал-социализма), но и с тем, как на практике применяются эти теории в государственном масштабе – в Италии, Германии, Португалии и т. д.

Указывалось мною и на то, что в настоящее время фашизм со всеми его видоизменениями, обусловленными особенностями данного государства, завоевывает все больше и больше последователей, и не будет преувеличением сказать, что переживаемая нами эпоха может быть охарактеризована как эпоха борьбы новых фашистских форм государственного устройства с отживающей формой парламентского демократизма.

Ввиду изложенного, а также потому, что мы, члены Русского общевойскового союза, являемся как бы естественными идейными фашистами, ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно».

Осложнение международного положения Советского Союза, развертывание массового террора, для которого не существовало государственных границ, не могло не вызывать резкой активизации деятельности сталинских спецслужб на Западе.

В декабре 1934 года скандал разразился в Белграде, где ответственный сотрудник IV отдела РОВСа ротмистр А. Комаровский, сам того не ведая, оказался втянутым в передачу секретной информации советским агентам, бывшим белым офицерам Леницкому, Шклярору и Драги.

Большой объем агентурной работы осуществлял эмигрантский «Союз возвращения на Родину», особую активность в котором проявил С. Эфрон, муж поэтессы Марины Цветаевой. Велась слежка за семьей Л. Седова, сына Троцкого, организовывалось уничтожение бежавших от сталинской тирании Беседовского, Агабекова.

5 сентября 1937 года в Лозанне был «ликвидирован» еще один невозвращенец – в прошлом известный чекист Игнатий Райсс (Людвиг Порецкий). Причем для руководства операцией в Швейцарию прибыл сам заместитель начальника иностранного управления госбезопасности НКВД СССР М. Шпигельгасс. Однако этим дело не ограничилось. Измена проникла в самое сердце РОВСа.

Патриот или предатель?

Николай Владимирович Скоблин доблестно воевал в первую мировую войну, стал кавалером многих орденов. Потом в чине капитана прошел Ледяной поход с П. Корниловым, приобрел заслуженную славу в деникинской и врангелевской армиях, став в неполные 28 лет лет генерал-майором, командиром Корниловской дивизии, одной из самых боеспособных в белой армии. В конце 1919 года его дивизия пленила артистов красноармейского театра, среди которых была и знаменитая исполнительница романсов Н. Плевицкая. В 1921 году в Галлиполи Надежда Васильевна, наконец, приняла предложение молодого генерала и вступила в свой третий по счету брак.

Она явно играла ведущую роль в этой паре, и вовсе не из-за восьмилетней разницы в возрасте, а в силу ее природного ума, артистизма, врожденной тактичности. Простое крестьянское происхождение и отсутствие элементарного систематического образования никак не помешали ей стать весьма популярной и любимой в широких кругах эмигрантской общественности.

Скоблин часто сопровождал жену на гастроли, выполняя хлопотные организационные обязанности. Плевицкая имела успех. В Америке ей аккомпанировал сам С. Рахманинов. Правда, к концу 20-х годов положение стало меняться к худшему, у семьи появились серьезные финансовые проблемы.

Но вдруг все перевернулось. Супруги стали широко тратить деньги, устраивать приемы, купили двухэтажный дом, роскошный автомобиль. И это все на фоне усиливающейся бедноты русских эмигрантов! Генерал Скоблин успешно продвигался по служебной линии. В 1935 году он возглавил специальный отдел РОВСа – так называемую «Внутреннюю линию», в задачу которой входило получение информации об эмигрантах, подозреваемых в просоветских симпатиях, а также отбор агентов для работы в Советском Союзе.

Правда, после этого назначения генералу Миллеру стала поступать информация о якобы имевших место связях Скоблина с советской разведкой. Был назначен суд чести из старых, заслуженных генералов, который не обнаружил достаточных оснований для обвинения и полностью реабилитировал Скоблина. Тем не менее он был отстранен от работы во «Внутренней линии», продолжая в то же время занимать ответственный пост в штабе РОВСа.

Воскресный день 19 сентября 1937 года был праздничным для русских парижан. Торжественно отмечалось 20-летие Корниловского ударного полка. Распорядителем был Скоблин, символический «командир полка».

На праздник прибыло много почетных гостей, в том числе дочь Корнилова Н. Шаперрон и даже упорно игнорировавший мероприятия эмигрантских организаций А. Деникин. Кульминацией праздника был банкет в помещении Галлиполийского союза, на котором председательствовали генералы Скоблин, Деникин и Миллер. Торжества изрядно затянулись, поэтому прибывшие в Париж гости задержались на три дня. Последний день, 22 сентября 1937 года, оказался роковым...

Как помнит читатель, генерал Миллер в полдень вышел из штаб-квартиры РОВСа, что на улице Колизе. Перед уходом он, однако, передал своему заместителю генералу П. Кусонскому запечатанный конверт и обратился со странным поручением: вскрыть конверт, если он не вернется, и прочесть содержимое.

В конверте находилась записка следующего содержания: «Сегодня у меня свидание в 12.30 с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмин и Раффе. Он должен сопровождать меня на встречу с германским офицером Штроманом, военным атташе одного из второстепенных государств, и с господином Вернером, сотрудником посольства. Оба они хорошо говорят по-русски. Встреча назначена по инициативе Скоблина. Это может быть западня, поэтому я и оставляю эту записку».

Он не вернулся. Кусонский же проявил поразительную небрежность, забыв о конверте. И лишь когда жена Миллера около одиннадцати вечера стала обзванивать коллег мужа, конверт был вскрыт.

Генерал П. Кусонский и другой заместитель Миллера, адмирал М. Кедров, были ошарашены содержимым. Они спешно выехали на улицу Колизе, причем Кедрова сопровождала его напуганная жена.

К Скоблину домой прибыл офицер-ровсомолец, которому, однако, ничего не сообщили о содержании записки. Было уже около часу ночи, и супруги легли спать. Разбуженный порученцем, Скоблин спокойно выслушал сообщение об исчезновении Миллера, оделся и вместе с офицером выехал на такси на улицу Колизе. Он бодро зашел в кабинет председателя РОВСа, где находились Кусонский и Кедров. Офицер-порученец и жена Кедрова остались в прихожей.

Кусонский и Кедров буквально засыпали вопросами Скоблина. Поскольку он и не подозревал о существовании разоблачающей записки, то уверенно отвечал, что не видел генерала Миллера после воскресенья. Когда же ему показали записку, он сразу побледнел, потерял контроль над собой, однако затем вновь преобразился и продолжал утверждать, что не видел Миллера и что в 12.30 он вместе с женой был на Ленче в Русском ресторане, о чем могут сообщить свидетели. В конце концов адмирал Кедров предложил всем вместе поехать в полицию.

Перед уходом Кусонский и Кедров немного задержались, чтобы забрать бумаги. Скоблин извлек максимум возможности из этой маленькой задержки. Он покинул помещение в сопровождении жены Кедрова с офицером (который все еще ничего не знал о записке Миллера) и первым попал на лестницу. Когда же Кусонский и Кедров вышли, Скоблин исчез. Его следов не было ни на лестнице, ни на улице...

Ночью генерала Скоблина видели в двух разных местах. Около четырех часов утра он вошел в гараж на углу бульвара Пресбург и Порт де Тэн, где служил муж его сестры. Зятя не было, и Скоблин ушел. Сторож гаража, с которым он говорил, позднее показал, что генерал был бледен и растрепан. Через 15 минут в Нюлли он разбудил бывшего офицера-корниловца, жадно выпил стакан воды и занял 200 франков, сказав, что потерял бумажник. Скоблин ушел, пообещав вернуть деньги на следующий день, но больше его никто никогда не видел...

Французские власти перекрыли железнодорожные станции, морские порты, пограничные пункты, широко распространяли фотографии Скоблина. Все делалось правильно, но уже было поздно. По показаниям многочисленных свидетелей следствию удалось, однако, реконструировать точную картину и хронологию печальных событий. В общих чертах все было похоже на дело Кутепова.

Следствие установило, что встреча Скоблина и Миллера произошла недалеко от места, где советское посольство владело и арендовало несколько домов для своих сотрудников и служащих различных советских организаций. Внутри квартала на углу улиц Жасмин и Раффе находилось здание школы для детей сотрудников посольства. Школа оказалась запертой – были каникулы.

Из окна ближайшего дома свидетель, знавший Миллера и Скоблина, видел их обоих, стоявших у входа в пустующее школьное здание. Скоблин жестом руки пригласил Миллера войти. Третий человек, крепко сложенный, также стоял с ними, но спиной к свидетелю. Было это примерно в 12.50. Через 10 минут серый закрытый грузовик «форд» припарковался перед советской школой.

Этот же «форд» с дипломатическим номером прибыл в Гавр около четырех часов дня и остановился у дока, рядом с советским торговым судном «Мария Ульянова». Машина была в пыли, и ветровое стекло запачкано остатками насекомых, что случается при быстрой езде. В будний день 203 километра между Парижем и Гавром можно легко преодолеть за три часа. Массивный деревянный ящик приблизительно 6 футов длиной и 2 – 3 шириной был вытасчен из грузовика с помощью четырех советских матросов и осторожно перенесен на трап судна. Вскоре «Мария Ульянова» снялась с якоря и ушла в открытое море, не известив предварительно администрацию порта и не завершив отгрузку товара, заказанного фирмой в Бордо.

Портовый инспектор, посещавший «Марию Ульянову» по делам службы, показал полиции, что в ходе его разговора с капитаном какой-то человек быстро вошел в каюту и сказал что-то ему по-русски.

После этого капитан закончил беседу, заявив, что получил радиограмму о немедленном возвращении в Ленинград. Инспектор, однако, знал, что подобные приказания обычно адресуются не прямо капитану, а агенту морской торговой компании. Как только он покинул пароход, он заметил грузовой «форд» и увидел большой деревянный ящик, втаскиваемый на борт. Проверка дипломатического номера установила, что грузовик был приобретен советским посольством за месяц до исчезновения генерала Миллера.

На следующий день после похищения министр национальной обороны Франции Эдуард Даладье пригласил к себе советского посла. Он настаивал на немедленном возвращении «Марии Ульяновой» во французские воды. Посол, однако, получил поддержку других членов французского кабинета, которые опасались ухудшения советско-французских отношений и усиления в этой связи позиций Германии. Им удалось убедить Даладье изменить свое первоначальное решение.

В результате по политическим мотивам официальная версия следствия обошла роль Скоблина как прямого организатора похищения. Тщательное изучение дня преступления, по опросам множества свидетелей, обнаружило необъяснимый провал в полтора часа, как раз совпадающий со временем свидания Миллера и Скоблина. Таким образом Скоблин был изобличен. Обыск в его доме выявил соучастие Плевицкой в преступлении. В ее Библии содержался код для шифрованной корреспонденции, использовавшийся супругами.

Финал

Следствие по делу Плевицкой длилось 14 с половиной месяцев. Суд состоялся в декабре 1938 года, защитником ее выступал известный в прошлом политик эсер М. Филоненко. В качестве свидетеля выступал и А. Деникин, который, кстати, в день исчезновения Миллера сам чуть не был похищен.

По сообщению жены и дочери Деникина Скоблин трижды настойчиво предлагал ему ехать в Бельгию на своей машине для продолжения праздничных торжеств Корниловского полка, причем в машине сидели двое неизвестных. Деникин отказался, но не из-за каких-то подозрений, а лишь в силу давней неприязни к Скоблину.

Плевицкая на суде отказывалась от всех обвинений, но была изобличена и приговорена к двадцати годам заключения. Она умерла через несколько лет в тюрьме.

Во время гитлеровской оккупации Парижа гестаповцы произвели обыск в помещении РОВСа, в результате которого обнаружили сенсационные факты. Известный в эмигрантских кругах Николай Сергеевич Третьяков, родственник основателя картинной галереи, владел тремя квартирами в доме N 29 по улице Колизе.

Одну из них он сдал своему собственному союзу Союзу торговли и промышленности, объединявшему тех, кто не потерял надежду на возвращение конфискованных на родине капиталов. Вторая квартира была сдана РОВСу, а третью, этажом выше, занимал сам Третьяков.

Гестаповцы нашли открытое подслушивающее устройство в помещении Торгпрома и РОВСа, причем микрофон был связан с квартирой Третьякова! В прошлом преуспевающий купец, он, оказывается, был советским агентом на протяжении нескольких лет. Третьяков, конечно же, был арестован и депортирован в Германию, где следы его и затерялись.

Однако результаты обыска заставляют предположить, что, когда Скоблин выходил из квартиры РОВСа, он поднялся этажом выше в квартиру другого советского агента и выжидал там, пока проход не освободился. Конечно, не случайно и то, что Плевицкая во время суда убеждала Филоненко взять деньги у Третьякова. «Он обязан дать мне денег, – писала она своему адвокату из тюрьмы. Деньги можно достать с помощью Третьякова».

А как же Скоблин? Прошел слух, что ему удалось попасть в Испанию и воевать против Франко, а затем советские агенты прикончили его, поскольку он слишком много знал и был, в лучшем случае, потенциальным шантажистом.

Впрочем, Скоблин был связан не только с советской разведкой. Именно он, по сведениям двух Вальтеров, нациста Шелленберга и чекиста-невозвращенца Кривицкого, передал в СД «сведения», компрометирующие М. Тухачевского и других военачальников Красной Армии, причем так и не известно, был ли он инициатором или рядовым исполнителем этой провокационной акции.

Вот, пожалуй, и все о двух похожих друг на друга похищениях русских генералов.

Можно, конечно, считать, что это были сокрушительные удары по антисоветским силам на Западе, по врагам мирового пролетариата, на что и направлялась деятельность советских разведчиков. Да, несомненно, Кутепов и Миллер являлись врагами Страны Советов и, видимо, должны были предстать перед справедливым (?) судом Отечества. Но ведь, по совести говоря, не Сталину и Ворошилову, Ежову и Мехлису, Молотову и Шкирятову их судить! А именно эти люди узурпировали себе право распоряжаться жизнями людей в своей стране, Европе, любой точке земного шара. И тотальный террор внутри страны логически дополнялся индивидуальным террором за границей.

Парижские похищения генералов ухудшили отношение мирового общественного мнения к СССР, к советской политической системе, все чаще называемой террористической. А это, в свою очередь, никак не могло способствовать консолидации антифашистских сил, укрепляло растущее недоверие к Советскому Союзу. А до второй мировой войны было уже недалеко...

Спецпереселенцы

История спецпереселенчества в СССР берет свое начало с 1929 года, с момента перехода к широкой коллективизации в деревне. Дабы «кулаки» и «подкулачники» не мешали рождению колхозов, их отправляли в специально отведенные районы в «местах не столь отдаленных».

Поток раскулаченных, в частности, из европейской части страны пошел и на Урал. На протяжении только 1930 – 1931 годов туда поступило 32,1 тысячи семей с Украины, 26 тысяч – с Северного Кавказа, 9,1 тысячи – из Белоруссии, 2,8 тысячи – из Крыма и т.д., а всего в Уральском регионе оказалось 101,4 тысячи ссыльных семей – примерно 480 тысяч раскулаченных.

На конец 1938 года в стране насчитывалось 1798 поселков, где проживало около миллиона трудпоселенцев, 146 таких поселков с населением 170500 человек было в одной только Свердловской области.

С началом второй мировой войны число спецпереселенцев резко увеличилось. С ноября 1939 года на Урал потянулись эшелоны с депортированными жителями западных областей Беларуси. В этом потоке оказалось более 40 тысяч поляков, белорусов, евреев, представителей других национальностей. С учетом количества граждан, репрессированных несудебными и судебными органами, а также в административном порядке, эта цифра превышает 55 тысяч человек. Изучение архивных документов и материалов органов госбезопасности, МВД, судов и прокуратур РФ позволяет сделать предварительный вывод, что на Урале (ныне Пермская, Екатеринбургская, Тюменская, Челябинская области) было репрессировано не менее 15 – 20 тысяч уроженцев Беларуси.

В декабре 1939 года НКВД СССР утвердил инструкцию о порядке расселения польских осадников (польских военнопоселенцев, получивших земельные наделы после польско-советской войны 1920 года в районах, населенных белорусами и украинцами. Их не надо путать с польскими беженцами, подавшими на Восток, спасаясь от наступающих немецких войск. – И.К.). Инструкция содержала жесткие требования. Например, на сборы депортируемым отпущено от 30 минут до 2-х часов. Известен факт, когда в числе выселенных оказалась женщина, которая, катаясь на лыжах, заглянула в гости к знакомым в соседнее местечко. В лыжном костюме, вместе со своим «транспортным средством» она попала в ссылку.

Польских осадников и беженцев разместили в 20 районах Свердловской области (в них же размещали основной контингент репрессированных на территории Беларуси в 30-е годы. – И.К.). Особенно много их доставили в Асбестовский, Березовский, Верхнетавдинский, Ирбитский, Красноуральский, Кушвинский, Серовский, Пышминский, Таборинский, Тугулымский районы.

Среди прибывших оказалось немало представителей полькой и белорусской интеллигенции. В их числе, например, были доктора технических наук А. Бликер и С. Всеинич-Сапожнецкий. Массовая депортация населения продолжалась на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы – из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, – наряду с «власовцами» и лицами, сотрудничавшими с немецкими оккупантами. До 50-х годов в восточные районы СССР было выслано 175 тысяч только членов семей украинских националистов (ОУН), в т.ч. в Челябинскую, Пермскую области и Удмуртию – около 20 тысяч человек. Из западных областей Беларуси в послевоенные годы было выслано около 34 тысяч человек.

До 1934 года всех отправленных в «кулацкую ссылку» официально именовали «спецпереселенцами», в 1934 – 1944 годах – «трудпоселенцами» и после – «спецпоселенцами». В положении о ссыльных и высланных, утвержденном НКВД СССР, указывалось, что ссылка состоит в отдаленности от постоянного места жительства с обязательным проживанием в определенной местности под надзором компетентных органов. Она применялась на срок от 3 до 10 лет.

Более легкой мерой наказания считалась высылка, означающая поселение по выбору в определенных местах на срок от одного до пяти лет.

Ссылка на спецпоселение означала бессрочное выселение в определенные места. Спецпоселенцев запрещалось размещать ближе 50 км от объектов государственной важности, аэродромов, железных дорог, а также в 100-километровой пограничной зоне.

К выселенцам относились находящиеся на спецпоселении немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкары, калмыки, турки, курды, греки, армяне, болгары, а также выселенные в 1949 году из Молдавии, Прибалтики и западных районов Беларуси. Другой контингент - «власовцы», члены семей «бандитов» из Литвы, «оуновцы», «указники», немецкие пособники, сектанты, бывшие кулаки – являлись спецпоселенцами.

Переселение осуществлялось, как правило, организовано, железнодорожными эшелонами. Во время проведения массовых акций на территории Беларуси в 1937 году, эшелоны формировались обычно в Могилеве, Витебске, Минске – по 20 – 25 вагонов, до тысячи спецпоселенцев в каждом составе.

В ноябре 1948 года различие между выселенцами и спецпоселенцами было, по сути, ликвидировано. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, выселенцев перевели на спецпоселение навечно без права возврата к прежним местам жительства. Самовольный выезд (побег) карался 20-ю годами каторжных работ.

Спецпоселки создавались на 100 – 500 семей. Размещали людей, как правило, в бараках, где на семью выделялись либо комната, либо угол. В лесной промышленности жилье отводили по нормам – 3 кв. м на человека.

Административное управление спецпоселками осуществлялось районными и поселковыми комендатурами НКВД. Коменданты должны были обеспечить соблюдение общественного порядка, предупреждать побег и, главное, следить за соблюдением договоров о трудовом использовании спецпоселенцев, которые заключались между Управлением исправительно-трудовых колоний НКВД СССР и предприятиями.

Коменданту подчинялось все население спецпоселка, без его разрешения никто не мог переехать из барака в барак или отлучиться за пределы поселка на срок свыше 24 часов. Сотрудники НКВД имели право в любое время суток проверить наличие проживающих в поселке людей. Главы семей спецпоселенцев отмечались в спецкомендатуре. На каждого спецпоселенца заводилась карточка учета в 3-х экземплярах и личное дело. Для предотвращения побегов все личные документы изымались и выдавалась справка единого образца.

Коменданты имели широкие дисциплинарные права – от штрафа до арестов и привлечения к уголовной ответственности. Обжаловать их решение было практически невозможно.

Тем не менее, многие спецпоселенцы пытались бежать с Урала. Например, в мае 1948 года 18-летние Ганна Адамович и Марина Блотич, минуя железнодорожные станции, прошли 100 км пешком и только тогда сели в поезд. Однако в Пензе их задержали. По статистике НКВД, 93 процента из числа бежавших из спецпоселений в 40-е годы задерживалось.

Главной причиной бегства было тяжелейшее материально-бытовое положение – холодные, сырые бараки, острая нехватка одежды и обуви, продуктов питания, антисанитария.

Спецпоселенцы были заняты, в основном, тяжелым физическим трудом. Немцы преимущественно использовались на строительстве, в угольной и металлургической промышленности. Много белорусов работало на Сухоложском цементном заводе, леспромхозах Новолялинского района, поляки – на Зайковском конезаводе и т. д.

К тяжелым условиям труда и быта добавлялся и моральный гнет -ограничение в правах. Спецпоселенцев не призывали в армию, не принимали в члены профсоюза, их участие в выборах депутатов допускалось только на районном уровне.

Состав спецпоселенцев постоянно менялся. В начале войны амнистировали находившихся на поселении поляков, в течение 1941 – 1948 годов с учета сняли бывших кулаков.

К началу 1958 года на спецпоселении оставались лишь члены семей националистического движения на Западной Украине и в Белоруссии, их освободили только в январе 1960 года.

Спецпоселенцы – это лишь одна из категорий репрессированных во время сталинского режима людей. Кроме них, миллионы советских и тысячи иностранных граждан находились в лагерях и колониях ГУЛАГа...

Так вся ли правда сказана?

Почему после развала Союза бывшие репрессированные оказались поделенными на «наших», которые томились в белорусских лагерях, и «не наших», которые полегли костью, в частности, на Урале, и в других регионах страны?

Остров смерти

*И.В.Сталину,
Р.И.Эйхе*

*Секретарю Нарымского Округкома ВКП (б),
(Совершенно секретно)
22 августа 1933 года*

«29 и 30 апреля этого года из Москвы, Ленинграда и Минска были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в Томск, а затем на баржах в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров Назино, против остяцко-русского поселка и пристани того же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа)» (*Из спецсообщения УНКВД по Запсибкраю.*)

О каких же «деклассированных элементах» шла речь? Оказывается, эти «элементы» появились в отчетах НКВД после выхода постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года о введении паспортной системы.

Именно на остров Назино 18 мая 1933 года была доставлена и высажена первая партия «элементов городского типа», людей, задержанных в основном в Минске и Москве как беспаспортных – 4900 человек. Вторая партия числом 1174 человека поступила 26 мая. К 12 июня было зарегистрировано 1473 умерших. К зиме погибли почти все.

Из 10289 человек, прибывших в Александрово-Вахтовскую комендатуру, к осени осталось 2025 человек, 1940 отправлено в концлагеря, 3196 умерло, 3916 оказались в бегах.

Как же разыгралась эта трагедия на Назинском острове?

На второй день после прибытия первого эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ледяной ветер, затем ударил мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и, в главной своей массе, трудовых навыков, тем более, навыков организованной борьбы с подобными трудностями, очутились в безвыходном положении. Ооченевшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, мох и пр. Трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения, начавшегося еще в долгой и мучительной дороге, от многочисленных болезней. Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез на дерево в высокое горящее дупло и погиб там на глазах у людей, которые не могли помочь ему: не было ни лестницы, ни топоров. Когда, наконец, наступил солнечный день, бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставили на второй день. Новый день дал новую смертность и т. д.

Только на четвертый день прибыла на остров ржаная мука. Ее начали раздавать по несколько сот граммов. Люди тут же бежали к воде и в шапках, фуражках, галошах разводили болтушку. Многие хватили одну муку, задыхались и умирали от удушья. Не было ложек, кружек, мисок. Не было ни ведер, ни котлов, а значит и кипятка.

Вначале изредка, в отдаленных углах острова, а затем в угрожающих размерах повсеместно пошло людоедство.

Свидетельствует Меньшикова Таисия Михайловна, 1908 года рождения, уроженка Минска: «На острове конвоир был, Веников Костя, молодой парень. Ухаживал он на острове за одной девчонкой. Он все караулил ее. Вздумал раз поехать помыться, товарищу наказал: „Ты за ней поглядывай“, – а он что, столь народу... А ее привязали, руки назад к тополине,

и груди отрезали ей, икры отрезали, мускулы – где можно есть, все-все... Голодные они, есть надо. Парню не повезло. Это вот такие были зверства. Человеческое мясо резали и привязывали в тряпках на деревья...»

Однако наряду с этим известная часть жила сносно и выживала. Прежде всего те, кто оказался при муке. На острове был комендант, стрелки ВОХР, медработники и, конечно, каптенармусы. Муку, лежавшую вначале под открытым небом, отчего немало ее испортилось от дождей, комендатура острова приказала зарыть в землю. Остатки ее получали так называемые бригадиры, отъявленные уголовники. Получив мешки на бригаду, они уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Когда муку привозили «со склада», раздавать ее в порядке живой очереди даже не пытались. Голодные люди собирались, но их разгоняли выстрелами. В жуткой давке слабых затаптывали, калечили.

Надо полагать, спецкомендатура не только мало понимала свои задачи, она сама растерялась от разразившейся катастрофы. Несмотря на «перевоспитание» трудпоселенцев палками и прикладами винтовок, индивидуальные расстрелы, на острове образовались и царили мародерские банды и шайки. Уголовники терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая их и убивая. Здесь же, на острове, открылась настоящая охота за теми, у кого были деньги или золотые зубы, коронки. Их владельцы тут же становились жертвами бандитов. Могильщики зарывали трупы с развороченными челюстями.

Мародерство захватило и некоторых охранников, за хлеб и махорку скупавших золото, одежду. По острову установились цены: новое платье или костюм – полбуханки хлеба или пачка махорки; пачка махорки – 300 рублей, два золотых зуба или четыре коронки.

В аналогичную обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший установившиеся порядки острова.

Близилась «трудовая весна». В конце мая началась отправка людей на так называемые участки, то есть места, отведенные под поселки. Участки были расположены по реке Назина за 200 километров от устья: к ним поднимались на лодках. Глухая необитаемая тайга, ни кола ни двора. Истощение людей продолжалось. Достаточно привести такой факт. На пятый участок с острова доставили 78 переселенцев. Их них в живых осталось только двенадцать.

Участки в конце концов были признаны непригодными, трудпоселенцев стали перемещать на новые места, вниз по той же реке, ближе к устью.

Побеги, начавшиеся еще на острове (хотя так это сделать было куда труднее: ширина Оби около километра, шел еще лед. – И.К.), здесь приняли массовые размеры. Пошли слухи: мол, во-первых, решено истребить деклассированный элемент; а, во-вторых, в 40 километрах железная дорога (в действительности до ближайшей станции было более 300 километров. – И.К.). Последнее «подтверждение» тем, что на одном из участков в ясные зори слышались отдаленная гармонь, крики петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, плыли на плотах, погибали или возвращались обратно.

После расселения на новых участках к строительству полуземляных бараков, вошебоек и бань приступили только во второй половине июля. Жизнь начинала входить в свое русло – появилась работа, люди стали получать по 750 – 1000 граммов хлеба. Болезни, смертность, однако, продолжались.

Особенно свирепствовала дизентерия. Надо было выдавать больным сухари. При отсутствии медикаментов это спасло бы сотни людей. Огромный запас галет лежал в палатках и на базах, но... не было указания, могут ли пользоваться этими галетами трудпоселенцы.

К массовым болезням и смертям начсостав да и сами поселенцы вскоре стали относиться как к чему-то неизбежному и привычному. Трупы, которые лежали на тропинках в лесу, плыли по реке, прибывали к берегам, уже не вызывали смущения. Человек переставал быть человеком. Из 6100 высланных, прибывших из Томска, плюс к ним еще 600 – 700 человек (точное

число установить не удалось. – И.К.), переброшенных на назинские участки из других комендатур, на 20 июля 1933 осталось 2200.

Назинский остров оставил неизгладимую мету у всех оставшихся в живых, даже у отъявленных рецидивистов, выдавших виды на своем веку. Они прозвали его островом смерти (реже остров людоедов). Местное население усвоило это название, а слух о том, что здесь было, пошел вниз и вверх по рекам.

В конце 1933 года сюда из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Сиблаг решил эвакуировать уцелевших. Половина назинцев не могла пройти по тропам на баржу, настолько они были больны, измождены. Их несли на носилках и складывали рядами в трюмах. Катер «Быстрый» на малых баржах подвозил оставшихся в живых с поселков.

По окончании «эвакуации» Александрово-Вахтовская участковая комендатура «подбила бабки». Приняла она свыше 6000 человек, а отправила 2856. Остальные пошли на «естественную трату».

Сколько всего их было – трудно сказать. Так же трудно сказать, кто они, потому что документы отбирались и при аресте, и в эшелонах и баржах (рецидивистами на курение). То, что осталось, было уничтожено частью на острове, частью в последующем, органами госбезопасности для устранения следов преступления. По всей видимости, никогда уже не удастся ответить на этот вопрос.

Сибирский Белосток

Для многих поляков и белорусов слово «Сибирь» долгие годы ассоциировалось со словами «каторга», «ссылка», «депортация»... И не без основания: в течение нескольких столетий при всех правительствах и режимах для каторжников, ссыльных и депортированных дорога в Сибирь была самой проторенной. Но были и те, кто ехал в те суровые края добровольно – в поисках счастья и лучшей доли.

В конце XIX века сибирский регион России развивался стремительно и колонизировался усиленно: на строительство Великой транссибирской железнодорожной магистрали устремились потоки добровольных переселенцев, в том числе белорусов и поляков. Среди них было много крестьян из малоземельных западных губерний российского государства: Гродненской, Виленской, Витебской, Седлецкой, Курляндской. В Томском уезде ими были основаны такие белорусские поселки, как Андреевка и Ломовицкий, Петропавловка и Полозово. В 1899 году во вновь образованной Ново-Александровской волости появился поселок Белосток.

Не от хорошей жизни решились наши земляки на переселение в далекую Сибирь. Безземелье, низкое плодородие местных почв не позволяли прокормить большие крестьянские семьи. Царское правительство, заинтересованное в переселении крестьянства в Сибирь, обещало поддержку, льготы и содействие в обустройстве на новом месте. И в 1896 году в Томской губернии в качестве ходока-разведчика появился Александр Иоч. В Переселенческом управлении ему предложили осмотреть отведенные под заселение участки тайги в Николаевской волости Томского уезда.

Что это были за места, сообщал томскому губернатору чиновник по крестьянским делам Райский: «... что касается участков в Николаевской волости, на которые определяется приблизительно 800 семей, то они стоят в худших условиях по сравнению с другими переселенческими участками как в отношении путей сообщения, так и в отношении приобретения на них хлеба и земледельческих орудий...»

Речка Шегарка довольно многоводная, отделяла эти участки от ближайших деревень во время разлива месяца на полтора-два. Однако земли эти чем-то прельстили Осипа Ханевича, его односельчан Геронима Мазюка и Осипа Маркиша, братьев Александра и Ивана Иочей. Они выбрали этот кусок тайги – Рыбаловский переселенческий участок, где, кроме вековой тайги, имелось несколько еланей – выгоревших мест (меньше труда потребуется для раскорчевки под пашню) да еще стояли две избушки пасечников соседней Молчановской волости. Очевидно, понравилась и глубокая полноводная речка, протекающая рядом...

Записав за собой и своими родственниками эти наделы, вернулись ходоки за семьями. По весне, получив переселенческие свидетельства и подъемные, тронулись в путь. До Томска ехали железной дорогой в товарных вагонах вместе со скотом и провиантом, утварью и крестьянскими орудиями труда (на семью выделяли по одному вагону-товарняку). Дальше до села Молчаново плыли на пароходе по великой «сибирской Миссисипи» – Оби, а там – своим ходом через таежные урманы и болота, к месту обоснования. На карте Томской губернии в 1899 году появился еще один новый переселенческий поселок – Ново-Рыбаловский из 13 дворов.

Трудно обживались на новом месте: сурова сибирская земля с немилосердным таежным гнусом летом и невиданными морозами зимой. Падал скот от бескормицы. От дизентерии, простуд, голода умирали дети. Адский труд по раскорчевке тайги под пашню выматывал взрослых. Однако труд был не в тягость: каждый работал на своей земле, знал, что благополучие семьи теперь зависит только от него самого, а не от пана или чиновников.

Поток переселенцев и ходоков был огромен. С 1884 по 1889 годы в Томскую губернию приехало из Белоруссии 43 тысячи человек, а в следующее пятилетие – более 48 тысяч.

В 1907 году, в период наибольшего размаха земельной реформы Петра Столыпина, за год в губернию прибыло 30 тысяч переселенцев.

Однако многим испытание Сибирью оказалось не по плечу. Поток возвращавшихся обратно в Белоруссию год от года возрастал: в 1901 году из Сибири вернулось на родину более 5 тысяч семей, в 1907 году из Томской губернии – 800 семей. Власти на это смотрели спокойно и трезво, предупреждали желающих переселиться в Сибирь в журнале «Сибирское переселение», что «плохого хозяина Сибирь в хорошего не переделает».

Те, кого не испугали трудности, потом обустроились, прижились, поставили крепкие пятистенки, амбары и овины, вырыли колодцы с высокими «журавлями». Все как в родной Белоруссии. Огородили поселок.

Чего добились наши земляки за полтора десятка лет хозяйствования в Сибири, рассказывается во Всероссийской сельскохозяйственной переписи конца 1916 года. К примеру, по данным переписи, в поселке Белосток числилось 95 крестьянских самостоятельных хозяйства, проживало 516 человек, под пашней было 285 десятин возделанной земли. Во всех хозяйствах насчитывалось 267 лошадей и 374 головы крупного рогатого скота. Невелико богатство – 3 – 4 десятины пашни на семью из 7 – 10 человек, по две лошади в конюшне да три коровенки в стойке!.. По сравнению со старожильческими селами и крестьянами наши уроженцы были небогатыми. Но именно они и такие, как они, крестьяне накормили перед войной Россию, а масло сибирских коровушек стало популярным в Европе.

Интересна судьба белоруса ксендза Николая Михасенка – одного из немногих священников, живших в Сибири в годы начала «большого эксперимента» в России. родился он в семье белорусского крестьянина на Витебщине, сам хлеборобствовал. Однако не земля тянула его к себе – хотелось учиться, служить людям и Богу. В 1911 году Николай в возрасте 23 лет принял сан священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и в начале 1913 г. стал настоятелем Белостокско-Маличевской католической общины.

Крестил детей, провожал в мир иной усопших, венчал новобрачных, причащал и исповедовал... Представители новой, Советской власти сразу же люто возненавидели его, человека «старого» мира, служителя культа. В 1923 году, не выдержав провокаций со стороны волисполкомовских работников, лишившись костельского дома, реквизированного под школу, ксендз Михасенок покинул Белосток. Его дальнейшую судьбу раскрывает архивно-следственное «дело», заведенное на него в 1927 году органами ОГПУ Новосибирска.

В Новосибирск ксендз Михасенок приехал в 1925 году из Томска по приглашению местной римско-католической общины для проведения религиозных служб в пустующем городском костеле. Однако недолгой была радость прихожан – 4 апреля 1927 года ксендза арестовали. За что? Якобы во время совершения религиозных обрядов в костелах Томска и Новосибирска он произносил проповеди антисоветского характера.

В этих «направлениях» и стали «раскручивать» ксендза Михасенка следователи Новосибирского ОГПУ Белецкий, Богородицкий и другие. Однако ксендз «раскалываться» не желал, все предъявленные обвинения отвергал. «Обрабатывали» свидетелей, но и те не давали против него желаемых показаний.

Тем не менее 27 мая 1927 года помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ по Сибирскому краю Бебрекарло предъявил ксендзу обвинение по двум «контрреволюционным» статьям Уголовного кодекса РСФСР – по знаменитой 58-й статье: 58—14 (антисоветская агитация с использованием религиозных предрассудков масс) и 58—18 (дискредитация Советской власти путем распространения о ней ложных слухов).

Николай Иванович Михасенок для отбытия наказания был направлен в печально знаменитый концлагерь «СЛОН» (Соловецкие лагеря особого назначения) на три года. После этого – в ссылку в Северный край еще на три года. Что потом стало с ксендзом, догадаться нетрудно...

Вернемся к нашему повествованию.

В Сибири помещиков не было: каждый трудился на себя. Достаток зависел от трудолюбия и количества рабочих рук в семье. Но гражданская война, колчаковщина, продразверстка сказались на жизни сельчан. Многих кормильцев лишили тогда семьи. Тем не менее все шло своим чередом -как-то надо было жить...

Кончилось такое крестьянствование в начале тридцатых годов – в ходе коллективизации по-сталински: крестьянина-хлебопашца сменили колхозник и совхозник с совершенно иной психологией и иным отношением к земле и работе. Если и сохранялось что по первости от прежнего крестьянина в виде неистовства в работе, бережливости, готовности прийти на помощь всем обществом, то со временем, постепенно, все это улетучивалось...

Массовая коллективизация в стране началась, как известно, с конца 20-х – начала 30-х годов. В Белостоке же колхоз впервые был создан только в апреле 1935 года. О том, чего стоили сельчанам эти пять лет сопротивления коллективизации, можно только догадываться. Лишение избирательных прав, бремя налогового пресса, распродажа имущества и раскулачивание, осуждение – натерпелись всего. Пожалуй, не было только высылки семей раскулаченных из села дальше, в Васюганские болота. Зато не один год наблюдали сельчане за тем, как высылали других: начиная с тридцатого года по Нарымскому тракту, через село довольно часто шли зимой на север Нарымского округа обозы раскулаченных. Да и в самом селе находили временный приют административные ссыльные, те же раскулаченные.

Колхоз в Белостоке называли на польский манер «Червоный штандарт» -по-своему, вопреки воле начальства. Стремясь быстрее отрапортовать о завершении сплошной коллективизации, деревенские власти стали раскулачивать строптивых, шантажировать сомневающихся: отбирали наделы земли, приусадебные участки и огороды обрезали до самого крыльца, увеличивали планы сдачи зерна. А если были недовольные, «помогала» милиция. Прошли первые аресты: кого за «длинный язык» упекли, кого за нежелание вступать в колхоз.

В январе 1935 года Кривошеинским райотделом НКВД с помощью сельсоветских работников был собран необходимый компромат на ряд жителей села. Месяцем позже начальник Нарымского окротдела НКВД И. Мартон утвердил постановление об аресте и привлечению к суду семнадцати жителей Белостока и соседних Ново-Андреевских хуторов за то, что все они, якобы проводя антисоветскую и антиколхозную агитацию, добились развала инициативной группы по организации колхоза, а также на почве классовой ненависти имели договоренность убить председателя сельсовета и некоторых других активистов села.

С 1937 года «стали забирать по линии НКВД». В первую очередь взяли директора школы П.Д.Червоного, учителя И.П.Борисовца и завхоза школы Н.М.Карелина. Вместе с ними была арестована группа колхозников. Тогда же арестовали еще несколько человек, в том числе и члена исполкома сельсовета И.С.Назарука. Но самой страшной была ночь с 11 по 12 февраля 1938 года, когда были арестованы почти все оставшиеся мужчины в возрасте от 17 до 70 лет.

Свидетельствует один из «счастливых», вернувшийся из окружного отдела НКВД Павел Шумский: «12 февраля 1938 года в Белостоке забрали 68 человек, а потом пешком погнали в Кривошеино. 16 февраля уже днем милиция ходила по домам и забирала последних оставшихся мужиков. Взяли и меня вместе с другими. В деревне осталось всего три взрослых мужика... В Кривошеине собрали этап – около 250 человек – и дальше, по замерзшей реке, до Колпашева пешком гнали, как скот. В Колпашеве загнали в большой деревянный дом и растолкали по камерам, вызывали на допросы, били... Предъявили обвинение в краже подшипников к трактору, так как я в то время учился на тракториста. А через семь суток ночью меня и двух односельчан освободили. Сказали: если будем болтать о том, что здесь видели и слышали, то нас заберут снова и уже так легко мы не отделаемся...»

Так были «побеждены враги народа» из села Белосток. Остались в нем только дети да женщины, ставшие вдовами задолго до войны. Никто из них так и не дождался своих мужей, отцов, братьев.

После ареста белостокцев оставшиеся жители полной чашей испили судьбу отверженных. Многие им пришлось пережить, как и десяткам сосланных в Белосток в годы войны латышей, немцев, молдаван.

Репрессии по так называемой линии НКВД женщин села, правда, не коснулись. Матерям и их детям предстояло долгие годы нести на себе тяжелое клеймо жен и детей «врагов народа».

Изучение архивно-следственных дел периода 30-х годов в отношении жителей села Белосток показало, что с 30 августа 1937 года по 12 февраля 1938 года было арестовано органами НКВД 88 человек. Цифра впечатляет, если знать, что в селе по итогам переписи 1937 года насчитывалось всего сто двадцать семь мужчин от восемнадцати лет до глубоких стариков.

Большинство арестованных обвинялись как участники националистической контрреволюционно-диверсионной повстанческой организации под названием «Польская организация войсковая». Все дела были липовые, сфабрикованные работниками НКВД. Подобные организации были «обезврежены» во многих районах как Западно-Сибирского края, так и Беларуси. Не найдя при обысках никакого оружия, в обвинении записывали, что эта организация должна была захватить оружие во время восстания. От каждого требовали признаться в совершении какого-нибудь вредительства или диверсии. Тем, кто пограмотнее, пришивалась «контрреволюционная пропаганда, подрыв авторитета Советской власти и колхозного строя, руководство террором».

Арестованные в августе 1937 года были расстреляны 5 ноября 1937 года. Те же, кто был арестован 11 – 12 февраля 1938 года, были уничтожены 9 – 10 апреля. «Судила» белостокцев не «тройка» НКВД Запсибкрая, а Особое совещание. Все бумаги о приговорах подписывало высокое начальство в Москве, очевидно, для большей убедительности и значимости сфабрикованных дел.

Все репрессированные жители Белостока были реабилитированы посмертно в годы хрущевской «оттепели».

Невозможно поименно назвать всех репрессированных жителей белостока, как не знаем мы фамилий и имен палачей, подписавших приговоры о расстреле в Москве, как неизвестны нам и те, кто приводил эти приговоры в исполнение на местах. Где-то на стеллажах Центрального архива бывшего КГБ СССР в Москве находится на вечном хранении уголовное дело N 830458 в трех томах по обвинению жителей села Белосток. Откроет ли оно свои тайны? Будем надеяться.

...Так вся ли правда сказана? И, главное, станут ли архивные разыскания ступенькой к прозрению?

Бухта скорби

Вместо предисловия

События, которые непосредственно послужили к написанию этой статьи, произошли в 1979 году в небольшом городке Колпашево на севере Томской области. Случилось все это в майские праздники.

Уже сами слухи вызвали неприятный осадок в душах местных жителей. Такое... Кто-то, может, и схоронил бы сгинувшую невесту когда бедолагу, по округу облетела куда как более ясная команда: «Бандиты, враги народа, только – в реку. Пусть себе плывут». Багром, веслом, палкой оттолкнут на стремнину – несись дальше, к Нарыму, совсем рядышком туда, где отбывал ссылку Иосиф Джугашвили, прямой ответчик за содеянное, достоверно знавший, каких таких бандитов присылали по его указке в тутошные болота, тайгу, на погибель.

Потом были слова. Статьи, стихи, даже поэмы. Откровенная ложь тоже, разумеется, прозвучала. После первой публикации в 1988 году отрывков из «Колпашевского яра» В. Запечного настал черед официальных перестроечных версий, одной из которых поделилась 11 мая 1989 года со своими читателями газета «Правда». Спецкор В. Чертков выдержал ее в духе партийности и социалистического реализма, но все-таки она позволила обычному советскому читателю, привыкшему по крупицам отыскивать существо и истину между строк, уловить картину уничтожения как хлебопроизводящего сословия страны в годы Большого террора, так и залежи его трупов десятилетия спустя. Статья же первого секретаря Томского обкома КПСС В.И.Зоркальцева, опубликованная в этой же газете 16 июля 1989 года пыталась окончательно завуалировать это существо и перенести ответственность на колчаковщину, бандитов, дезертиров и разбушевавшуюся реку.

Подвел черту сам бывший член Политбюро ЦК КПСС Е.К.Лигачев (в период с 1965 по 1983 годы – первый секретарь Томского обкома КПСС – И.К.). «Мне очень трудно назвать кого-либо ответственного. Ибо, во-первых, это произошло совершенно неожиданно. Это было настоящее стихийное бедствие в полном смысле этого слова. Вы на этой земле живете и знаете, что иногда делает половодье. И откровенно вам скажу, поскольку мы собрались для этого, мне, например, стало известно, что там были захоронены жертвы сталинских репрессий, именно после этого случая...»

(Из выступления Е.К.Лигачева 6 декабря 1989 года на встрече с представителями научной, вузовской, художественной интеллигенции и студенчества г. Томска.)

...Е.К.Лигачев жил совсем в другом времени и не мог поэтому предположить, что среди слушающих его в переполненном актовом зале Томского университета в тот декабрьский вечер 1989 года есть те, кто затратил годы, чтобы узнать о происшедшем в Колпашево правду. В его биографии это был пусть неприятный, но эпизод. В их биографиях – духовное землетрясение, силу которого невозможно определить в баллах. Бывший кремлевский наместник, а затем и сам один из хозяев Кремля, он не думал и не мог думать, что эти люди пришли, что они уже здесь, что они знают лживость каждого его слова.

Как это было?

«Поселок Колпашево – это бугор глины, усеянный от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому. Вспомни обо мне в этот час – о несчастном бездомном старике-поэте, лицезрение которого заставляет содрогаться даже привыкшим к адским картинам человеческого горя спецпоселенцев. Скажу одно: „Я желал бы

быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!“ Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер – это зовется летом, затем свирепая 50-градусная зима...» Так описывал Колпашево известный русский поэт Николай Клюев в письме к Сергею Клычкову в июне 1934 года.

Городок Колпашево невелик и до недавнего времени был мало известен. В памяти другое слово: Нарым, Колпашево – некогда административный центр Нарымского округа, особой территориальной единицы в составе Западно-Сибирского края, отведенной для уничтожения «врагов народа». Со всей Сибири, из Беларуси, из Москвы и Ленинграда свозили их сюда на верную гибель. В непролазных болотах, в тайге, которую они корчевали с помощью первобытных приспособлений, лежит немало наших земляков.

После октября 1917 года в Колпашеве убивали всегда. Свои – своих. Но особенно много погибло здесь людей, начиная с периода так называемого спецпереселения. Во время коллективизации в Нарымский округ было сослано немало семей раскулаченных. О масштабах этой высылки свидетельствует цифра – 192000 человек, в том числе и более 20 тысяч уроженцев Беларуси, причем число выживших в течение первых двух-трех лет составляло, вероятно, около 40 процентов. Последняя цифра ошеломляет, но не забывайте, при каких обстоятельствах спецпереселенцы попадали в ссылку: либо по холоду по зимникам, либо – чаще так оно и было – на баржах в короткое северное лето. В устраиваться приходилось на голом месте, со стариками и детишками на руках, с минимумом посевного материала и без опыта того, как можно растить хлеб в тайге и на болотах.

ГОРОВЦОВА-ГОРНОВСКАЯ АГАФЬЯ МИХАЙЛОВНА, уроженка д. Горельши Витебского округа: «Пришел 1929 год. В нашей местности началась попытка организации колхозов, и на общем собрании крестьяне нашей деревни Горельши предложили отцу первому записаться в колхоз, показав пример другим. Отец был хорошо грамотный по тому времени и имел авторитет во всей нашей бывшей волости. Он отказался записаться. Вот с этого времени и началась завязка трагедии нашей семьи. Через несколько дней отца арестовало Витебское ГПУ, предъявив ему обвинение в срыве организации колхоза. Продержали его в тюрьме около двух месяцев. А вскоре приехали из ГПУ, переписали всех, за исключением трех братьев: Трофима, учителя местной школы, Тимофея, служившего в Красной Армии и Антона, работавшего геодезистом на строительстве БелГРЭСа.

Предъявили отцу постановление Витебского ГПУ, что он со своей семьей высылается в Сибирь сроком на 3 года. Срок на сборы дали 7 дней. Отправили нас без конвоя до станции Богушевская, а оттуда пассажирским поездом до Новосибирска. Новосибирское ГПУ направило нас на поселение в Колпашевский район. По приезде наша семья очень бедствовала. Ссыльным разрешалось работать только в лесу. Меня взяли одни хозяева в няньки за 3 рубля в месяц... Аврам работал в Чалковском леспромхозе бухгалтером, Георгий – в Колпашевском райпотребсоюзе тоже бухгалтером, был женат, имел двоих детей. Тимофей был инспектором Нарымского окрсобеса в г. Колпашеве. Младшая сестра Лида училась в Колпашевском пединституте. Наступил страшный 37-й год. Страшная участь постигла нас, Горновских...»

Страшное горе выпало на судьбу Агафьи Михайловны. В декабре 1937 года был арестован Аврам, в январе 1938 – Георгий, Тимофей и сестра Лидия. О их дальнейшей судьбе долгие годы в семье ничего не знали.

После целого ряда ходатайств перед Прокуратурой Томской области Колпашевский ГорЗАГС выдал матери Агафьи Михайловны справки, что: Аврам умер 23.02.44 г. в возрасте 41 года от гнойного плеврита; Тимофей – 12.05.42 г. от менингита; Георгий – 1.02.44 г. от воспаления легких. Все это было грубой фальсификацией. Только в 1990 году семья узнала правду о том, что все братья 16 февраля 1938 года были осуждены к расстрелу Комиссией НКВД и Прокурора СССР и 20 февраля были расстреляны во внутренней тюрьме НКВД г. Колпашева.

Массовые расстрелы начались в Колпашево во второй половине тридцатых, когда в местном НКВД стали фабриковаться бредовые, фантастические дела вроде дела «повстанческого центра», который якобы был тайно сформирован ссыльными, готовился к походу на Томск и ждал только установленного сигнала, чтобы нанести сокрушительный удар по Советской власти. Во время проведения массовой акции по «изъятию врагов народа» в октябре 1937 года с низовьев реки Обь в Нарымский окротдел на двух баржах доставили «врагов народа» из Александровского, Каргасокского, Парабельского, Колпашевского районов. В целях обеспечения охраны эти баржи были поставлены на якоря посередине реки, откуда арестованные доставлялись лодками в окротделы Колпашева.

КАРПОВ С.П., бывший оперуполномоченный колпашевского НКВД: «... в мае 1937 года я начал работать в горотделе НКВД. При НКВД находилась внутренняя тюрьма (примерно восемь камер). Основная масса арестованных содержалась в городской тюрьме. В мои обязанности в этот период входило производить аресты по ордерам. На аресты ходили, как правило, три человека с понатыми. Наша задача была доставить арестованного в отдел. Что было дальше с арестованными, я не знаю. Работу с ними производили следователи. О том, что во внутренней тюрьме производили расстрелы, то есть приводили приговоры в исполнение, я знал от исполнителей. Расстрелы осуществлялись во внутренней тюрьме, которая размещалась в здании НКВД близко от берега реки Оби...»

МЕРИНОВ Б.Е., бывший оперуполномоченный колпашевского НКВД: «Здание КПЗ состояло из 6 камер. Новосибирск утверждал, кого расстреливать. Обычно, в первую очередь убивали тех, кого пригнали из центральных районов Белоруссии, особенно в 1939 году. Обратного никого не уводили. Хоронили расстрелянных по двору КПЗ. Ям было три. В конце хоронили там, где расстреливали – в камерах...»

Стараниями работников НКВД в 30-е годы была «сочинена» не существовавшая в природе мощная националистическая организация «Польская организация войсковая», якобы имевшая свой центр в Москве и соответствующие «комитеты» во всех регионах бывшего Советского Союза. В соответствии с директивными указаниями УНКВД по Запсибкраю такая организация была «создана» и в Нарымском округе. Под ее непосредственным руководством и по ее прямому указанию должны были действовать «враги народа» с польскими и белорусскими фамилиями и именами.

Особых сложностей это не вызывало: процент проживающих поляков и белорусов был достаточно высок: сказалось, в частности, их переселение в Сибирь в конце прошлого и начале нынешнего столетия.

Преамбула обвинительного заключения всегда оставалась неизменной, менялись лишь фамилии да названия населенных пунктов, да «факты» и «примеры враждебной деятельности».

ФИЛИПPOВИЧ С.Ф., бывший сотрудник Новосибирского управления НКВД, уроженец Минской губернии: «При допросах выясняли, где работал до ареста обвиняемый, чем занимался, были ли какие-либо факты пожаров, отравления скота по месту его жительства и так далее. Выяснив эти вопросы, искусственно приписывали в показаниях обвиняемых совершенные им или иными лицами акты вредительской или диверсионной деятельности...»

Дела на «Польскую организацию войсковую» отличались от других тем, что почти все они были групповыми. Достаточно напомнить судьбу жителей села Белосток Кривошеинского района Западно-Сибирского края, где за одну ночь с 11 на 12 февраля 1938 года были арестованы практически все мужчины в возрасте от 17 до 70 лет. Большинство из них кончили свой жизненный путь в Колпашевском яру.

СПРАГОВСКИЙ А.И., бывший следователь УКГБ СССР по Томской области: «В период с 1955 по 1960 год я занимался пересмотром архивно-следственных дел на осужденных внесудебными органами. Не вдаваясь в существо этих дел, определенно могу утверждать, что 99 процентов проверенных дел были грубо сфальсифицированы бывшими работниками Том-

ского и Нарымского отделов НКВД. Из совокупности всех собранных в этот период материалов вырисовывается следующая картина... Свидетели, которых мне пришлось допрашивать, говорили, что за этим забором тюрьмы покоятся расстрелянные в 37 – 38 годах люди.

Помню показания Караваева Сергея Григорьевича, который был непосредственным исполнителем расстрелов, ныне он умерший. Тогда действовала бригада, которой для храбрости давали спирт.. За забором были устроены трапы, по которым арестованные шли к вырытой яме. Подойдя до определенного места, раздавался выстрел из укрытия. Человек падал в яму. Сложилось твердое убеждение, что за тем забором захоронены были тысячи невинно осужденных людей...»

Что представляло из себя здание окрестдела НКВД? Со слов очевидцев событий оно находилось в 30 – 40 метрах от берега реки Обь, окруженное примерно трех метровым забором по периметру 150х150 метров. Недалеко от административного корпуса НКВД находилось здание тюрьмы, состоящее из шести камер. Здесь содержались арестованные и приговоренные к расстрелу в 30-е годы наши сограждане. Здесь же в здании тюрьмы, в одной из камер, приводились в исполнение приговоры «двоек», «троек» и Особого совещания. В тюрьму обычно прибывали этапы по 40 – 50 человек. После приведения приговоров в исполнение трупы расстрелянных пересыпались гашеной известью (чтобы лишней раз не закапывать до прибытия очередной партии – И.К.) в ямах, вырытых во дворе. Впоследствии, когда поток осужденных резко увеличился, расстрелянных стали закапывать под настилом камеры. Ямы с трупами, естественно, как гласила инструкция, сравнивались с землей и ничем не обозначались.

Большинство ни в чем не повинных граждан было расстреляно в Колпашево в период с 8 мая 1937 года до 4 мая 1943 года. По предварительным данным, полученным из материалов и документов Прокуратуры Томской области и военного трибунала Сибирского военного округа, можно предположить, что здесь было уничтожено не менее 3 тысяч человек. Установить всех поименно по известным причинам не представляется возможным. Назову ряд установленных фамилий, унесенных Колпашевским яром:

Адамский Бронислав Генрихович, 1894 года рождения;
Барановский Александр Фомич, 1893 года рождения;
Белых Федор Ефимович, 1888 года рождения;
Беганский Александр Демьянович, 1904 года рождения;
Бересневич Иосиф Иосифович, 1909 года рождения;
Бугоровский Иван Леонтьевич, 1888 года рождения;
Витевский Иван Олимпиевич, 1905 года рождения;
Врублевская Екатерина Ивановна, 1908 года рождения;
Дорошкевич Василий Ефимович, 1901 года рождения;
Дуда Алексей Янович, 1913 года рождения;
Дуда Ян Витович, 1885 года рождения;
Зданевич Александр Осипович, 1884 года рождения;
Зданович Иван Васильевич, 1910 года рождения;
Зданович Станислав Викентьевич, 1882 года рождения;
Ивановский Иосиф Николаевич, 1903 года рождения;
Кавецкий Адольф Васильевич, 1892 года рождения;
Каменко Алексей Николаевич, 1898 года рождения;
Костецкий Юльян Францевич, 1880 года рождения;
Лесняк-Чернова Мария францевна, 1891 года рождения;
Новийкий Апполинарий Болеславович, 1915 года рождения;
Поляков-Силицкий Василий Митрофанович, 1904 года рождения;
Рогачевский Александр Прокопьевич, 1903 года рождения;
Рогачевский Прокопий Прокопьевич, 1888 года рождения;

Сварчевский Александр Пиусович, 1873 года рождения;

Солтан Корней Осипович, 1878 года рождения;

Татырка Банифат Адамович, 1895 года рождения и другие.

Сколько человек было расстреляно в Колпашево в самый пик репрессий, установить невозможно. Можно предположить, что в данном захоронении покоится не менее 4 – 5 тысяч невинно убиенных. Хотя есть сведения, что расстрелы производились не только в Колпашево, но и в пригородном Тогуре и ряде других мест.

Параграф из недавней истории

После войны здание окротдела НКВД было снесено и на этом месте образовался пустырь. Прошли годы... Наступление реки на город привело к тому, что где-то с 1960 года территория бывшего НКВД начала обрушиваться в Обь. С тех пор и начали обнажаться временами братские могилы расстрелянных. Беспокоились власти. Под руководством представителей органов госбезопасности проводились буровые работы на территории, ранее принадлежавшей окротделу. Первая стадия работ по химическому уничтожению захоронений проводилась в 1968 году.

СНЕГИРЕВ Н.С., бывший командир студенческого стройотряда:

«Очевидцем происходившего был я сам и все 50 человек строительного студенческого отряда. Размеры захоронения, сообщенные капитаном судна, производившего размыв берега в 1979 году, совпадают с моими данными по размерам территории, на которой работала группа «геологов» – как они нам представились. Захоронение находилось на огороженной забором территории размером 70x170 метров в противоположной стороне от здания НКВД, которое примыкало одной стороной к забору. Размеры здания были около 60x17 метров.

Ориентировочно «геологи» знали местонахождение могильников, так как определительное бурение скважин (то есть до выхода костей) вели только на дальней, огороженной забором территории, размером 70x70 метров. Могильников на этой территории было 5 – 6 в разрывах 4 – 5 метров. Для того, чтобы не открылся вид для местного населения на производимые «геологами» работы на захоронениях, после разборки нижнего этажа здания НКВД нас через Колпашевский горком КПСС заставили построить четвертую стену забора вместо разобранного здания...».

Технология работ состояла в следующем. Бурили определительные скважины. При выходе костей бурение скважин становилось упорядоченным. В скважины, в которых обнаруживались кости, засыпали вещество белого цвета и обильно заливали водой из цистерны машины. Потом каждая скважина засыпалась грунтом.

После окончания работ «геологи» день – два утюжили территорию бульдозером, утрамбовывая верхний грунт, разрыхленный бурением. При этом они ходили за трактором, выбирая появляющиеся кости.

Описывая широкую дугу, в этом месте Обь течет на запад. Левый ее берег низок, вровень с водой. Левый берег пустынен, и человеку приезжему это может показаться странным, потому что на другой стороне стоит город Колпашево. Небольшой, всего тысяч на тридцать жителей, но все-таки город.

Однако ничего удивительного в этом нет. И дело не в том только, что в Сибири места для городов вдоволь, стройся, где душа пожелает. Русло реки медленно, но вполне заметно перемещается, отнимая ежегодно у города по несколько метров суши. Обь до неузнаваемости изменила высокий правый берег. Время от времени еще какой-нибудь кусок берега, подмытый водой, рушится вниз. Чаще всего это бывает в конце весны или в начале лета, когда заметно прибывает быстрая вода, и особенно в те дни, когда южный ветер гонит на яр волны.

В 1979 году, накануне майских праздников, в очередной раз обвалился край берега почти в самом центре города, в нескольких десятках метров от того места, где обрывается, упираясь в Обь, улица Ленина. Но случай оказался отнюдь не рядовым.

Со стороны реки, с лодок, можно было увидеть страшную картину. Из обрыва, метров с двух, торчали человеческие останки: руки, ноги, головы. Открывшийся срез захоронения имел размеры до четырех метров в ширину и до трех метров в глубину. Трупы в могиле были сложены штабелями, и если верхние полностью истлели, то нижние сохранились на редкость хорошо. По сути дела, это были мумии желтовато-коричневатого цвета. Лица, волосы сохранились в такой степени, что, по свидетельству очевидцев, можно было произвести опознание убитых – в затылочной части черепов были пулевые отверстия. Во многих черепах их было по две, причем второе часто приходилось на височную кость.

Обвал обнажил громадную яму с сохранившимися мумифицированными трупами. Многие из них сохранились исключительно хорошо. Почему? Во-первых, они находились в песчаной почве, что обеспечивало вентиляцию, необходимую для быстрого высыхания тел. Во-вторых, при погребении использовалась хлорная (или, может быть, негашеная) известь. На срезе захоронения можно было видеть, что людские останки расположены послойно, и разделяют их настилы из досок и прослойки окаменевшей извести. Отмечался также сильный запах креозота. Наличие дезинфицирующих средств, видимо, оградило от гниения трупы в нижних рядах.

Так вот, если черепа и кости, превращались в крошево при обвале берега, тут же шли ко дну, то легкие мумифицированные останки всплывали, и река несла их на север на виду у всего города, потому что большая часть сегодняшнего Колпашева расположена ниже по течению: и речной вокзал, и застроенный частными домами жилой район...

Власти спохватились не сразу. Все готовились к предстоящим торжествам. Уже сами слухи вызывали неприятный осадок в душах местных жителей. Никому и в голову не приходило перезахоронить расстрелянных. Пулевые отверстия в черепах говорили о том, что с людьми уже однажды обошлись крайне жестоко. Разумеется, для распорядившихся так людей в этом виделся самый легкий путь, тем более, что он был предначертан органами КГБ. Но ведь почему никого не передернуло от мысли: «А если это репрессированные коммунисты, революционеры, советские работники, твои, загубленные в период культа личности, товарищи?!» Так нет, поверили все-таки версии КГБ, что здесь были расстреляны белогвардейцы и дезертиры.

Дальше в Колпашеве происходила война. Двухнедельная битва живых с мертвыми. Методично, неспешно, на будничном фоне провинциального городка, день за днем, ночь за ночью...

Захоронение решено было смыть в реку. Хотя поначалу были предприняты попытка раскопать могилы с берега и вывезти расстрелянных на автомашинах в карьер, но вскоре от этого отказались. В частности, по той причине, что конфигурация захоронения оказалась непростой, а число трупов – достаточно велико. Использовать же технику на краю обрыва мешал подвижной песчаный грунт. И несмотря на то, что было достаточно желающих сделать это вручную, компетентными органами было принято решение попросту смыть берег.

Особенно неприятной была разящая символичность происходящего. Они выходили буквально из-под земли – сотни трупов с дыркой в затылке, и не только скелеты, кости людей, а в огромном количестве мумифицировавшиеся тела, настолько хорошо сохранившиеся, что некоторых из расстрелянных чуть не полвека назад жители пригорода через несколько дней повезут в морг, приняв за утопленников. И Обь спешила, все больше обнажая захоронение на берегу, словно тоже знала, что готовится государственный праздник.

До третьего мая доступ к захоронению строго не охранялся, и многие горожане побывали возле него. Большинство людей приходило просто из любопытства. Но было и другое – самое, может быть, страшное. К разверстой могиле шли родственники тех, кто бесследно исчез в застенках колпашевского НКВД, а их в тридцатитысячном райцентре тогда еще было немало. Дети и жены, братья и сестры. Многим из них казалось, что среди сложенных штабелем трупов они по одежке узнают своих близких.

Город Колпашево переживал тягостные, странные, ни на что не похожие дни. Город Томск пребывал в напряженном раздумье. Сигнал тревоги долетел до Москвы...

Это были «антисоветские» трупы, В действительности, как понимали ее в 1979 году партийные и советские руководители, этих трупов не было, не должно было быть. Память о них успешно выветрилась из сознания нескольких поколений. Но в Колпашево какая-то непостижимая для властей сила воспротивилась этому, встала наперекор, словно сама земля, поруганная, усеянная неоплаканными костями, оказалась человечнее людей, творящих на ней разор и бесчинства. И земле дан был ответ...

Третьего мая место захоронения было силами стройбата обнесено высоким забором с надписью: «САНИТАРНАЯ ЗОНА». Возле ЗОНЫ появилась охрана. Для непосредственного руководства техническим обеспечением акции, содержащей все признаки преступления (статья 229 и статья 171 УК РСФСР) в Колпашево был командирован секретарь Томского обкома КПСС А.И.Бортников. Интересы УКГБ по Томской области представлял полковник госбезопасности Николай Иванович с засекреченной по сей день фамилией. Присутствовало также некое лицо из Москвы.

Средства для ликвидации захоронения были выделены значительные. Что-то из них томское руководство получило из Кемерово (монитор) и, по крайней мере, рассчитывало получить из Новосибирска. Два теплохода серии ОТ задействовались в течение полумесяца, и только один из них (капитан В. Черепанов) сжег 60 тонн горючего. Плюс бурение скважин на берегу, стройбат, милиция, водоспасательная служба. Плюс кадровые и нанятые работники, чья роль была совершенно особой, а впоследствии - вещевые и денежные призы.

Неделю велись подготовительные работы, а 11 – 12 мая в Колпашево пришли двухтысячесильные теплоходы. Берег мыли напором воды из-под винтов, круглосуточно работающих на полную мощность.

ЧЕРЕПАНОВ В.П., капитан буксира ОТ-375: «... Отбойной волной начали мыть берег. Мыли часа два. Сначала падали кости. Когда содержимое ямы обвалилось, проявились темные прямоугольники. Трупы из ямы стали падать в воду. Мерзлый верхний слой земли обваливался большими глыбами по мере размывания нижнего талого слоя грунта. Мыли с 11 по 15 мая круглосуточно. Было много ям, количество назвать не могу. Трупы были целые, разной величины. Видел на них розово-белое белье. Трупы плавали, кагэбэшники фотографировали. Нам запретили выходить на радиосвязь. В это время на берегу бурили скважины, искали необнаруженные захоронения. Теплоход почти весь ушел в берег. Запах был ужасный, не пожелаешь и врагу. Мы люди подневольные, делали, что прикажут. Раньше я не рассказывал об этом, боялся последствий. Ведь это КГБ!»

КОПЕЙКИН С.Н., старший помощник капитана ОТ-375: «Видел на трупах рубахи и кальсоны... Трупы были расплюснуты, вроде как побывали под прессом... Они плавали, течением их подхватывало, крутило в заводи от теплохода. Плоть не сгнила, сушеные они были. Тел в ямах было много. Я видел ям пять – шесть. В яме, на мой взгляд, по двадцать – тридцать тел. Тела лежали вповал. Работали мы около трех суток. Двигатели перегревались, нас отбрасывало, трос лопался, мы несколько раз отходили. Нам объяснили, что это – санитарное мероприятие. Говорили, чтобы мы не распространялись об этом... Через полмесяца в Томске к нам приехали двое из УКГБ и дали премию. Капитану – приемник „Томь“, пяти членам экипажа – часы, остальным по 20 рублей»...

То, как «работали катера», мог видеть весь город. Плывающие по Оби трупы «добровольцы» вылавливали баграми, цепляли им к поясу кирпичи, металлические болванки – топили в реке. Тех, кто упорствовал, не шел на дно, уходил в свой последний побег к Ледовитому океану, – рубили на куски веслами. День за днем, ночь за ночью... Некоторые тела все же были упущены, их видели потом в Прохоркине и Новоникольском, за сотни километров вниз по течению.. Так живые «победили» мертвых соотечественников в мае 1979 года...

«Прочие же... не раскаялись в делах рук своих...»

Психология власть предержавших тут такова, что достигнув определенного уровня, они уже физически могут только, умело цепляясь за него и за окрестные выступы, карабкаться выше, совершая самые неожиданные резкие телодвижения, от которых все совестливое вокруг сжимается, примолкает, оставшееся – разлагается, осыпается.

Совесть у этих «слуг народа» давно трансформировалась в следование указаниям сильных мира сего, и совесть их стала партийной, не общечеловеческой. Многим просто удалось избавиться от такого пережитка.

И все-таки «колпашевское дело» получило ход...

Странное это уголовное дело, невозможное, небывалое. Следствие было поручено в 1989 году прокуратуре Новосибирской области, так что мерялось оно как бы областной мерой. Но по смыслу своему – это была первая в истории нашего многострадального отечества попытка принудительного дознания по делу о преступлениях государства против своего народа и – преступником же – сокрытии их.

Эх, Колпашево, Колпашево!.. И в других случаях было оно столь же щедро не только на человеческую боль, но и страдание, но и на невеселую, с привкусом горечи усмешку.

Рано или поздно уголовное дело будет прекращено, следственная машина остановлена. И судебный процесс не состоится. Формально – по сроку давности. Истинная же причина – потому что не может стерпеть госбезопасность подобного плевка в свою сторону...

Но прежде чем толковать о частностях, хорошо бы людям бывшего чекистского ведомства понять главное: поругание колпашевских могил – это не пустячный эпизод, о котором завтра будет забыто.

Как и не будет забыто, что все важнейшие решения принимались в кабинетах партийных работников – первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К.Лигачева и первого секретаря колпашевского горкома В.Н.Шутова (ныне генерального директора концерна «Томлеспром» – И.К.). Надзирать за работой чекистов прибыли тогда обкомовские секретари: А.И.Бортников, Е.А.Вологдин, П.Я.Слезко (что касается П.Н.Слезко, так тот позже вышел в заведующие отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, но следствием, естественно, допрошен не был – И.К.).

Впрочем, как и не будут забыты имена офицеров КГБ: К.М.Иванова, Н.И.Петроченко, В.Н.Копейко, Г.П.Бусыфгина, Н.А.Татаркина, Д.П.Давыдова (некоторые из них до сих пор работают на руководящих должностях в аппарате управления ФСБ РФ по Томской области – И.К.).

Есть в УК РФ странная статья об ответственности за сокрытие преступлений. Могла она объявить преступницей, к примеру, и мать, которая не смогла донести на родного сына, повинного в уголовном деянии. Но зато ни разу она, оставаясь глухонемой, не оборотилась на власть имущих, когда те скрывали преступления своих предшественников, от которых им по наследству власть перешла. А ведь принимая наследство – принимают и долги. И по-другому не бывает. Но в глазах истории этот вопрос давно решен.

И значит – нет ему срока давности. Значит – преступно скрывать документы об этих преступлениях. И когда офицеры госбезопасности прячут их в архивах – они в глазах людских совершают преступление.

И не чувствуют угрызений совести, да и не могут их испытывать – ведь они всего лишь выполняют приказ.

Жил в закрытой зане Томска-7 пенсионер Сафрон Петрович Карпов, в органах НКВД – НКГБ – МГБ прослужил с 1935 по 1956 год, изрядный срок – в Колпашеве, причем в самые расстрельные годы. Состряпал он не одно обвинительное заключение по делу «террористической эсеро-монархической повстанческой организации», подписанных им собственноручно. В целом только по этим делам было репрессировано несколько десятков человек.

«Повстанцам», которые были выявлены бдительным Сафроном Петровичем, стреляли в затылок из нагана, трупы сваливали в ямы, вырытые во дворе нарымского окротдела НКВД, и пересыпали мертвые тела хлоркой, как того требовала старая медицинская инструкция ОГПУ. И вот они-то весной 1979 года поплыли по Оби.

Но нет у меня цели перечислять поименно всех колпашевских палачей -неблагодарное это занятие. Это один – два штриха, чтобы отчетливее было видно, что офицеры госбезопасности покрывают и кого они покрывают.

Ложь! Люди любознательные и совестливые о многом уже дознались. Василий Ханевич из Томска составил мартиролог на погибших одного-единственного сибирского села Белосток, где жили переселенцы из Гродненской, Витебской и Виленской губерний, белорусы и поляки. Свозили из Белостока людей в Колпашево, а там их чекисты убивали, выполняя спущенную сверху разнарядку. Вы хотите поименно узнать тех, кого чекисты сначала убили, а потом утопили? А то ведь мы все на миллионы да на миллионы. За статистикой живых людей не видно...

Подряд – по алфавиту.

АРТИШ Осип Осипович

АРТИШ Болислав Осипович

АРТИШ Иван Иванович

АРТИМОВИЧ Адам Иосипович...

А может быть, на какую-нибудь другую букву?

МАРКИШ Петр Фадеевич

МАРКИШ Николай Игнатьевич

МАЗЮК Ипполит Михайлович

МАЗЮК Павел Михайлович

МАЗЮК Антон Михайлович

И дальше можно было продолжить. Все эти люди были расстреляны в Колпашево в один день 14 мая 1938 года. А всего в этот день в Колпашево по одному «делу» с белостокцами были убиты 47 человек! И это только те, чьи фамилии удалось установить В.А.Ханевичу. Скорее всего погибших было больше. Проявить любопытство руководству госбезопасности совсем не сложно: уголовное дело N 830 458 в трех томах на жителей села Белосток хранится в бывшем архиве КГБ в Москве.

Когда подобный список по неизвестному такому сельцу перед глазами, у всякого первая мысль: другая война, но безobelisков. Великая Отечественная трагедия.

Но это одно дело и одно село, а ведь шли в Колпашево этапы, плыли баржи со всего необъятного Нарымского края. И кроме местных, чалдонов и остяков, было немало и других, кого валили в колпашевские ямы. Спецпереселенцы, административные ссыльные...

Есть, есть о чем рассказать архивам КГБ!

Для начала – хотя бы о Колпашево правду открыть – это ведь весь гиблый Нарымский край, это немалая доля нашей общей беды.

Кое-какие вопросы поднакопились...

Где материалы, касающиеся уничтожения могил в Колпашево? Кто, когда и при каких обстоятельствах (еще в 1955 году) обратился к руководству КГБ с предложением ликвидировать могилы? Кто отдал приказ об этой акции? Какова роль Ю.В.Андропова, которого информировали о колпашевских событиях в 1979 году? Использованный в Колпашево способ уничтожения захоронений – бурение скважин с засыпкой туда химикалиев – обычный? Где еще подобным образом уничтожались братские могилы?

А можно и обобщить.

Не странность ли: срок давности на преступления существует, а на архивы КГБ – нет? Будут ли открыты дела против старых сотрудников НКВД, где технологии репрессий доку-

ментально представлена в виде геноцидных разнарядок? Кто, когда и при каких обстоятельствах дал распоряжение в ходе «хрущевской» реабилитации фальсифицировать места, даты и причины смерти расстрелянных? Почему из расстрельных дел НКВД вырваны фотографии? Какого рода архивные материалы уже уничтожены?

А ведь и правда, если руководство госбезопасности прикажет своим офицерам на эти вопросы ответить, то они ответят. Они ведь люди военные, они обязательно выполняют приказ...

Вместо эпилога

В январе 1991 года «колпашевское дело» перекочевало из Новосибирска в Москву, прошло через прокуратуры РСФСР, Союза, Главную Военную прокуратуру, чтобы в итоге вернуться в Новосибирск, но – в прокуратуру Сибирского военного округа.

Допрошен Ким Михайлович Иванов, бывший начальник управления КГБ СССР по Томской области, один из тех, чьи действия «подпали». Теперь он -начальник управления по обслуживанию иностранных представительств, аккредитованных в Санкт-Петербурге.

Допрошен незабвенный Егор Кузьмич Лигачев, поймать которого на очевидном вранье у московских следователей, которым было передано соответствующее следственное поручение, духу все ж не хватило. Но поверим в главное: вопрос об уничтожении колпашевского захоронения был согласован и с Ю.В.Андроповым и с М.А.Сусловым.

Но не это самое важное, что сделал следователь военной прокуратуры. Новосибирское УКГБ назвало первых 1445 расстрелянных в Колпашеве!

В марте 1993 года колпашевское дело было закрыто за давностью лет и «отсутствия состава преступления в действиях должностных лиц».

Подведем же и мы свою черту под ложью минувшего пятидесятилетия. Дело было для московских и томских властей привычное и простое. Однажды убитые снова вышли наружу, и требовался новый приговор, чтобы пресечь вылазку «классового противника». Потребовалось подтверждение старого приговора. Никто, кроме нескольких молчаливых людей, не знает сегодня, в каком кабинете и под чьим председательством собирался новый состав «Особого совещания».

Говорят, что не весь этот чудовищный песчаный мавзолей был вымыт тогда. Будто осталась еще одна яма. А вдруг правда? Вдруг плохо уничтожили?

И что, снова поплывут трупы по Оби?..

НКВД – гестапо: брак по расчёту

Долгое время историки и публицисты с неловкостью обходили проблемы, связанные с советско-германским договором от 23 августа 1939 года. Да и до сих пор не стихают дискуссии вокруг политической ситуации лета 1939 года. Причин тому несколько. Главная из них – понятное желание постичь суть приведших к войне драматических событий и сделать необходимые выводы для сегодняшнего дня. Но есть и другие причины...

Палачи обмениваются жертвами

Сегодня читателю практически ничего не известно о том, с какой «специфической» целью использовался с 1939 года ряд пересыльных тюрем НКВД в Минске и Бресте.

Декабрь 1939 года. «Нас было двадцать восемь мужчин и три женщины... Все лица от страха казались застывшими. Мы стояли и смотрели на железнодорожный мост, который разделял занятую немцами Польшу и ее часть, оккупированную русскими. Через мост к нам медленным шагом направлялся военный. Когда он подошел ближе, я разглядела эсэсовскую фуражку. Офицер НКВД и эсэовец приветствовали друг друга, приложив руку к козырьку. Из узкой светло-коричневой сумки офицер НКВД вытащил список и стал называть фамилии. В этот момент от нашей группы отделились трое, бросились к энкаведисту и стали что-то взволнованно ему объяснять. Рядом со мной кто-то прошептал: „Отказываются переходить мост!“ Один из трех был еврей-эмигрант из Венгрии, двое других – немцы: учитель по фамилии Кениг и молодой рабочий из Дрездена, который участвовал в вооруженной стычке с нацистами, бежал в Советскую Россию и заочно в Германии был приговорен к смертной казни. Конечно же, всех троих погнали через мост...»

Этот отрывок из книги воспоминаний Маргарет Бубер-Нойман «Узница Сталина и Гитлера», вышедшей во Франкфурте-на-Майне в 1949 году. той же теме отдал должное австрийский историк Ханс Шафранек: он «поднял» в политическом архиве германского МИДа соответствующие нацистские документы и опубликовал в книге «Между НКВД и гестапо» (Франкфурт-на-Майне, 1990). Ширятся возможности и для работы в отечественных, прежде секретных архивах. Мы узнаем наконец некоторые реальные подробности сталинско-гитлеровских игр – до и после пакта 1939 года.

Выдачу немцев, арестованных НКВД, принято связывать с пактом 1939 года. Теперь становится очевидным, что активная высылка (единичные случаи бывали и раньше) началась еще в самом начале 1937 года. И до пакта, можно предположить, из Союза в Германию было отправлено несколько сот человек (общее число высланных и выданных – более тысячи).

Как это происходило? Ранней осенью 1936-го германский посол Шуленбург высказывает Молотову и Литвинову пожелание германской стороны, чтобы находящиеся под следствием НКВД германские граждане, признанные невиновными, или те, против кого имеется недостаточное количество улик, были высланы из СССР. В ноябре 1936 года Шуленбург еще раз обращается к Литвинову с просьбой выяснить судьбу арестованных германских граждан. Советская сторона дает понять, что высылка возможна.

В начале 1937-го замнаркома иностранных дел Крестинский сообщает Шуленбургу, что согласно приговору Особого совещания из СССР в Германию высылаются десять человек.

Практически все это выглядит так: германское посольство обращается в Наркоминдел, и уже наркоминдельцы связываются с НКВД. Германское посольство направляет в Наркоминдел списки, в ответ немцам называются свои имена. Среди высылаемых были и спецы, и политэмигранты, и просто люди, уже десятилетиями жившие в СССР. Объединяет их только одно – все они арестованы. Как же воспринимали свой приговор сами высылаемые? были такие, что считали: если уж сидеть, так у себя на родине «за дело», и даже настаивали на высылке. Но очень часто это воспринималось как трагедия.

Иногда высылка происходила и без предварительного ареста. Так было, например, с известным немецким актером Эрвином Гешоннеком. В 1937 году в немецком театре в Одессе он играл как раз роль следователя НКВД, успешно раскрывшего вредительский заговор. Но НКВД ставил свои спектакли: труппа была разогнана, Гешоннек исключен из партии и в три дня выслан из СССР, чтобы спустя недолгое время оказаться в концлагере «у своих».

После пакта 1939 года ситуация с высылкой меняется. Теперь германское посольство уже не просит и не осторожничает, оно требует: «...настоящие дружественные отношения между III рейхом и СССР несовместимы с тем, чтобы такое количество германских подданных находилось в советских тюрьмах».

11 ноября 1939 года в ответ на настойчивые требования Шуленбурга тогдашний заместитель наркома иностранных дел Потемкин просит его обратиться непосредственно к Сталину и Молотову. 14 октября 1939 года Шуленбурга принял Молотов, который заверил, что займется этим вопросом.

Если в 1937 – 1938 годах высылали осужденных по приговорам Особого совещания НКВД СССР, то в 1939-м выдавали тех, кто уже просидел 2 – 3 года в советских тюрьмах и лагерях. Изможденных лагерников и тюремных заключенных везли из Орла и Ярославля, из Норильска и Воркуты, из Новосибирска и Владивостока и помещали в спецкамеры в Бутырках. Их подкармливали, выдавали кое-какую одежду – подготавливали к передаче. По этапу доставляли в минскую пересыльную тюрьму, а затем уже отправляли в Брест. И все же, как в 1937 – 1938 годах, даже в большей мере, эти камеры наполнялись теми, кто имел все основания бояться гестапо.

С декабря 1939 года по апрель 1941-го НКВД и гестапо вступают в непосредственный контакт, отношения между карательными аппаратами двух режимов напоминают игру – партнеры садятся за стол, играют, и каждый старается обмануть друг друга.

Трудно представить, что происходило с людьми, попавшими в это чертово колесо. Тех, кого собирались выдавать немцам, заставляли как бы становиться агентами НКВД и подписать, например, фиктивные расписки в получении денег, а тем, кто отказывался, – угрожали, что дадут на них компромат в гестапо.

Но это еще не означало, что НКВД передавало в руки гестапо всех без исключения германских подданных, особенно это касалось тех, кого можно было эффективно использовать для работы на оборону. Для событий тех лет характерна судьба профессора Ф.М.Неттера. В 1934 году он прибыл в СССР с связи с тем, что в Германии как лицо еврейской национальности подвергался преследованиям и гонениям. Первый год он жил в Москве и работал в одной из закрытых лабораторий, выполнявшей оборонные заказы. С лета 1936 года он работал профессором Томского научно-исследовательского института математики и механики. В декабре 1938 года он был арестован Томским горотделом НКВД и доставлен в г. Новосибирск с целью дальнейшей высылки в Германию. Правда, последующие события стали развиваться совсем по другому сценарию.

Ф.М.Неттеру было предъявлено обвинение в том, что он якобы, являясь агентом разведотдела генерального штаба Германии, был заброшен в СССР со шпионским и разведывательным заданием.» За совершение контрреволюционных преступлений» его приговорили к 25 годам тюремного заключения, однако через три года расстреляли в Медведевском лесу под Орлом.

После заключения пакта о ненападении и раздела Польши СД в Варшаве и Кракове действовали по указанию имперского министерства безопасности, которое предписывало им вступать в тесный контакт со службами НКВД в Перемышле и Бресте, чтобы гарантировать беспроблемное пересечение границы выдаваемыми.

Война, начавшаяся в июне 1941 года, подвела черту под этим «мирным сотрудничеством». Многих немецких эмигрантов, уже предназначенных к выдаче, не успели довести

до Бреста из дальних лагерей, им оставалось досиживать еще с десятков лет. Других постигла судьба Неттера. У тех, кого выдали, судьба складывалась по-разному, на сей счет в Германии была разработаны четкие инструкции: тех, против кого имелся компрометирующий материал, ждал концлагерь, «незапятнанные» и подходящие по возрасту призывались в вермахт, евреи однозначно подлежали депортации в гетто, а оттуда в лагеря уничтожения.

Следствие закончено. Забудьте?

Минцло уже шесть лет с того дня, когда в апреле 1999 года было завершено четвертое следствие, проведенное по факту обнаружения массовых захоронений в лесном массиве Куропаты. Но до сих пор его результаты так и не обнародованы. Тем не менее «немецкий след», ради обнаружения которого военной прокуратурой по требованию «общественности» в очередной раз было проведено новое следствие по старому делу, найден так и не был.

Как это было

3 июня 1988 года в газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья научных сотрудников Института истории АН БССР Зенона Позняка и Евгения Шмыгалева «Куропаты – дорога смерці». В статье утверждалось, что в лесном массиве Куропаты захоронены жертвы политических репрессий 1937—1941 годов. Обобщив все имевшиеся материалы, авторы статьи сделали вывод, что на этом месте в предвоенные годы органы НКВД проводили массовые расстрелы людей. Статья имела большой резонанс и послужила основанием для возбуждения прокуратурой БССР 14 июня 1988 года уголовного дела. Это было первое в СССР уголовное дело против тоталитарного государства за преступления против своего народа в 30-е годы.

Первое следствие по Куропатам проводилось с июня по ноябрь 1988 года, потом было прекращено и возобновлено в январе 1989 года.

«Это дело было совершенно уникальным, — вспоминает Язеп Бролишс, который в то время был следователем по особо важным делам прокуратуры БССР. — Следствие по уголовному делу обычно имеет свои цели – установить событие преступления, того, кто его совершил, определить, под какую статью УК это преступление подпадает, найти потерпевших, и т. д. Здесь же, несмотря на то, что событие преступления налицо, было неясно, кого и что искать... Более того, не существовало прецедентов таких, расследований, не было ни технологий, ни методик. Это первое такое дело в Советском Союзе. Тем не менее путем проб и ошибок, применяя испытанные технологии и приемы криминалистики, мы вышли из положения. Зато мы оказали хорошую услугу всем тем, кто столкнулся с такими захоронениями после нас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.